

Дан Берг

Наложница в Гиве

(или три расследования одного преступления)

Предисловие

В главе 19 Библейской Книги Судей изложено предание, которое принято кратко называть “Наложница в Гиве” и относить приблизительно к XIII веку до н. э. Христианские и еврейские комментаторы Святого Писания уделяли и уделяют немало внимания этой истории. Настоящая повесть добавляет к внушительному перечню толкований еще одну попытку этого рода.

Ниже приводится краткое содержание отрывка из первоисточника. Однако, автор призывает читателей не ограничиваться скудным и несовершенным изложением, но просит освежить в памяти Библейский текст, причем, не только упомянутой главы, но также и двух последующих, тесно с ней связанных.

Наложница некоего левита, проживавшего на горе Эфраимовой, вернулась к своему отцу в Бейт-Лехем. Левит со слугой отправился туда, чтобы воротить ее. Три дня он пробыл у тестя, и тот сердечно принимал его и уговаривал еще погостить. Но левит не согласился и двинулся в обратную дорогу. К вечеру путники дошли до Иевуса (будущий Иерусалим). Слуга предложил заночевать там, но левит отказался заходить в языческое место, и трое направились в город Гиву. Их взял на ночлег возвратившийся с поля крестьянин. Только гости омыли ноги, поели и попили, как с улицы раздались крики каких-то негодяев, требовавших от хозяина дома вывести им левита, дабы они могли познать его. Крестьянин просил их не совершать сей мерзости и предложил взамен двух женщин – наложницу левита и свою дочь. Лиходеи не хотели его слушать. Тогда левит сам отдал им наложницу. Те издевались над женщиной всю ночь. Рано утром левит обнаружил ее лежащей на пороге. Он обратился к ней, но ответа не было слышно. Левит увез наложницу к себе домой, разрезал ее тело на двенадцать кусков и разослал их во все пределы Израильские. В последующих двух главах сообщается, что возмущенные беззаконием народные вожди потребовали выдать им преступников для суда, но жители Гивы, главного города колена Беньямина, отказались это сделать, и тогда разразилась кровопролитная братоубийственная война. В те дни не было царя над народом.

Толкователей Библии интересовали прежде всего моральные аспекты событий. Автора этого беллетристического произведения привлекла криминальная сторона сюжета. Им были призваны профессиональные мастера сыска, каждый из которых вел собственное независимое расследование. Даны Библейские имена героям, и добавлены новые персонажи.

Когда читатель своим зорким оком узрит в дознавателях их прообразы, а чуткое его ухо услышит нотки пародии, автор будет вознагражден вполне.

Расследование первое

1

Город Гива, центр обитания колена Беньямина, имел недобрую репутацию среди прочих поселений иудейских и языческих. Случались насилия и грабежи внутри стен городских, а

баловников гивских не без основания опасались жители окрестных мест. Но Бог никогда не оставляет мир без спасительного равновесия, и посему хоть и бойко всходит сорная трава, а добрый посев не поддастся.

В Гиве жил человек по имени Шем-Ханох – любимый честными и гроза злоумышленников. Всякий потерпевший, обратившись к нашему герою за содействием в раскрытии преступления, никогда не раскаивался в выборе дознавателя. К помощи Шем-Ханоха прибегали как неимущие, так и состоятельные горожане. С бедных он не брал денег, зато богатым приходилось изрядно раскошелиться.

Шем-Ханох сторонился веселья площадей, криков рынка, гула улиц. Жилище его располагалось на окраине Гивы, подальше от городского шума, мешавшего неустанной и размеренной работе острой мысли прашура современных мастеров сыска. Просторный дом его не притяжал на роскошь. В большой передней комнате обитал владелец крова, за стеной содержались молодой породистый конь и весьма престарелый осел. Долгие годы службы умилили силы и прибавили упрямства серому труженику, и хозяин его все чаще задумывался о неизбежности смены поколений. На обширном крытом дворе размещались атрибуты быстрого и тихходного транспорта – небольшая колесница, телега, повозка. Сарай предназначался для хозяйственной утвари. На задах имения в хорошо укрепленном загоне обретались два огромных и свирепых пса. Эти неласковые звери признавали только своего господина, которому иногда пригодились в его опасной профессии.

Шем-Ханох – мужчина в возрасте рацвета – был убежденным холостяком. Он полагал, что семья неминуемо помешала бы успеху дел и отвлекла бы от трудов на пользу человечеству, прекрасная половина которого имеет другое мнение. Дай женщинам волю – и обложат неженатых кабальным налогом.

Хозяйство вела престарелая рабыня Хана. Она появлялась по утрам, запрягала осла в повозку, отправлялась на рынок, возвращалась со всяческой снедью, затем принималась орудовать у печи и успокаивалась не раньше, чем аромат свежего варева начинал будоражить нюх хозяина. Хана ценила вежливое обращение и щедрость господина и давно уж решила ни за какие блага на свете не покидать его, даже когда настанет год освобождения.

Каков был из себя Шем-Ханох? Высокого роста, худой, нос тонкий и с горбинкой, подбородок волевой, глаза голубые, взгляд пронизательный, волосы светлые и мягкие, борода коротко острижена, осанка прямая, мышцы рук и ног завидно сильны. Алмазной твердости воля и неколебимая убежденность в правоте избранного жизненного пути служили этому человеку непробиваемым щитом от стрел женских взглядов.

Завидная память и незаурядная способность к рассуждениям отличали острый интеллект Шем-Ханоха. Порой некая малая деталь или пустяковое событие, которые дилетант легкомысленно оставлял без внимания, оказывались ключом к разгадке злодеяния, стоило им стать предметом его неумолимой логики. Аналитичность ума замечательным образом не обращалась в сухость характера, поэтому Шем-Ханох неизменно отдавал должное изящному и красивому. Он великолепно играл на арфе и сам же настраивал ее.

Шем-Ханох слыл великим знатоком ядов и противоядий. В углу его спальни за плотной ширмой располагались рабочий стол и табурет. На стене висела полка, уставленная стеклянными пузырьками разной величины. Шем-Ханох не скупился на приобретение дорогого стекла, ибо только из этого редкого материала выдувались сосуды, пригодные для хранения особых жидкостей, которые в соединении с кровью или слюной жертвы позволяли ему определить вид отравы. Тогда он назначал целебное зелье, если спасение не запоздало.

Расследуя преступление, Шем-Ханох зачастую удовлетворялся теми немногими сведениями, которые сообщал потерпевший, а мысленные эксперименты и логические построения помогали ему заполнить пробелы в знании фактов. Размышляя, он сидел за столом и потягивал разбавленное водой красное вино, когда из малой, а когда из большой кружки. Покажется глиняное дно, а клубок уж распутан! Простые случаи он называл “делом на малую кружку”, казусы посложнее величались “делом на большую кружку”. Разумеется, слишком хитроумные злодеяния не могли быть раскрыты одним лишь застольным раздумьем.

2

К Шем-Ханоху частенько навещался лучший его друг Янон. В прошлом ратный лекарь, Янон оставил этот тягостный род занятий, и по смерти отца поселился в наследном доме в Гиве, и не знал нужды. Нынче он новобрачный, недавно взял себе вторую жену, красивую девицу из состоятельной семьи.

Янон восхищался старшим товарищем. Всем, кто только выражал готовность слушать, он неумолимо рассказывал об изобретательности Шем-Ханоха, развязывавшего сложнейшие узлы злоумышлений. Следуя за другом, бывший костоправ старался постичь, и, порой, не без успеха, искусство превращения фактов в версии, а версий – в доказательства. Шем-Ханох поощрял рвение ученика и охотно пользовался его помощью, хотя, иной раз, и подтрунивал над ним.

- Дружище Янон, - торжественно обратился Шем-Ханох к сидевшему напротив почитателю его таланта, - я рад снова видеть тебя в моем доме. Я с приятностью отмечаю твои отменные результаты в овладении моими уникальными приемами рассуждений. Сейчас я предоставлю тебе отличную возможность продемонстрировать достигнутое тобой.

- Что ж, дорогой мой наставник, я готов к испытанию и надеюсь не посрамить ни свои способности, ни метод, к которому я их приложу! – не менее торжественно ответил Янон.

- В таком случае, Янон, прошу обратить внимание на сию вещь, - сказал Шем-Ханох и протянул собеседнику предмет, которого гость никогда прежде не видел в этом доме. Ощупывая глазами и пальцами эти четки, - продолжил хозяин, - ты поведаешь об их происхождении и о причине появления у меня.

Прилежный ученик принял из рук ментора пробный оселок, принялся разглядывать и обследовать его, размышлять и раскидывать умом, искать связи и вспоминать факты.

- Какие изумительные четки! – не без зависти воскликнул Янон, - шарообразные звенья разной величины и нескольких цветов! Я вижу, они нанизаны на шелковую и, несомненно, прочную нить. Шарики, что покрупней, обрамлены тонким узором серебра. Все в твоём вкусе – свежееотполировано, блестит новизной. Не сомневаюсь, вещь эта принадлежит тебе, Шем-Ханох, и поздравляю с замечательным приобретением.

- Благодарю, дружище, и жду дальнейших умозаключений.

- Я знаю твое обыкновение, Шем-Ханох: размышляя, ты любишь теревить в руках какой-нибудь предмет. Четки – лучшее занятие для пальцев. Яркие цвета звеньев возбуждают остроту мысли. Обдумывая оказии опасные, ты станешь перебирать красные бусины, зеленые подойдут для нехитрых дел на малую кружку, а черно-белые крапчатые пригодятся в неясных спервоначалу случаях. Чем изощреннее брошенный твоему таланту вызов, тем крупнее звенья, которые отыщут подушечки твоих перстов. Ба! Да я вспомнил! Ведь ты недавно нашел вора, обокравшего ювелира Матана. Золотых дел мастер расплатился с тобой за услугу!

- Великолепно, Янон! Ты преуспел в овладении моим методом анализа событий и вещей. Но многолика логика, и каверзны пути ее. О, я вижу в окно – к дому приближаются наши общие знакомые, и один из них несомненно добавит кое-что к твоим словам.

Вошли городские старейшины Бнаяу и Баная. Оба с трудом сдерживали волнение, и на языке у них вертелось срочное сообщение. Однако, Шем-Ханох опередил гостей и обратился к одному из них.

- Почтенный Бнаяу, прежде, чем ты вложишь в мои уши несомненно важные вести, будь добр, обрати внимание на этот предмет и выскажись по сему поводу.

Шем-Ханох показал старейшине четки. Доселе встревоженное лицо Бнаяу мгновенно осветилось счастливой улыбкой – так случается, когда личная радость затмевает казенную печаль.

- О, бесценный мой Шем-Ханох, стало быть, вчера, покидая твой дом я забыл свои четки! – воскликнул Бнаяу и торжествуя взглянул на Банаю, - а я-то с ног сбился – искал! История с ними простая. Один ювелир заложил у меня старые потертые четки. И, кажется, забыл о них. А я не стесняясь, пользовался вещью. Мне, человеку пожилому, нелегко блюсти бодрость, сидя целый день у городских ворот. Вот я и перебираю бусины. Пальцы скачут по звеньям разной величины – это бодрит. Яркие цвета шариков колют глаза, мешают уснуть. А в синагоге четки незаменимы для отсчета молитв. Я пошел к своему ювелиру, напомнил про заложенную вещь, и он продал мне ее задешево – старая ведь она, затертая! Приобретение свое я снес Матану, тому самому, которому ты помог вора найти. Он отполировал камушки и нить сменил на шелковую. Слава Всевышнему, нашлась потеря!

Широко улыбаясь, Шем-Ханох посмотрел на Янона, а тот сперва молчал, ни слова не молвил, потом сказал: “Не ошибся я, к четкам этим Матан руку приложил!”

3

Физиономия Шем-Ханоха приняла серьезное выражение. Он выжидательно взглянул на Бнаяу и Банаю.

- Я и мой помощник Янон готовы выслушать мудрые слова старейшин Гивы, - обратился хозяин к гостям, - мы приклонили ухо и внемлем.

- Беда пришла в Гиву, а, может быть, и ко всему народу иудейскому, – с горечью произнес Бнаяу, - ибо случилась мерзость. Проживающий в поселении в северной части горы Эфраимовой левит Цадок по дороге домой из Бейт-Лехема заночевал в нашем городе со своей наложницей Диной и слугой Яривом. Кое-кто из жителей потребовал от хозяина, приютившего путников, выдать им Цадока – они хотели познать его. Этого не случилось, и гнусные содомиты удовлетворились изнасилованием Дины, вскоре погибшей от перенесенных мук. Вернувшись домой, Цадок разрезал на двенадцать частей мертвое тело, и куски его разослал во все пределы Израильские – главам колен, дабы свершился справедливый суд.

При этих словах голос Бнаяу дрогнул. На помощь пришел Баная.

- Вожди народа собрались и решили, - продолжил Баная, - потребовать от Гивы выдать преступивших закон, а если заупрямится город, – объявить ему войну и покарать мечом виноватых и правых без разбора. Мы ненавидим братоубийство, но хотим сами расправиться со своими негодьями. Однако, прежде нужно найти их и разобрать дело досконально. Мы с Бнаяу

просим, уважаемый Шем-Ханох, принять важную миссию дознания – авось удастся избежать худшего!

- Почтенные старейшины, - заявил Шем-Ханох, - я и мой друг Янон горды вашим доверием и вне всякого сомнения расследуем, раскроем, изобличим. Мы приступаем к делу немедленно!

Ободренные Бнаяу и Баная удалились. Шем-Ханох и Янон принялись обсуждать совместный план. Надо заметить, что Шем-Ханох, индивидуалист по природе, предпочитал действовать в одиночку, стараясь отдалить Янона и прибегать к дружеской помощи лишь в час крайней необходимости. Однако, Шем-Ханох подумал, что это дело слишком сложное, чтобы пренебрегать подмогой наперсника, хоть и не равного ему пронизательностью.

4

Первым делом наши дознаватели запрягли коня в легкую колесницу и помчались к Цадоку. Хозяин пребывал в траурном настроении. И не удивительно: левит оплакивал смерть возлюбленной, и вдобавок душа его терзалась болью за преступления своего народа. Осторожно и деликатно Шем-Ханох попросил несчастного рассказать о выпавших на его долю бедствиях, а Янон заверил в намерении помочь, елико возможно.

- Я бесконечно любил мою нежную Дину, - завел Цадок чувствительный и скорбный рассказ, - но один легкомысленный ее поступок разбил хрустальную идиллию. Ее случайное увлечение возбудило мою праведную ревность, и я изгнал ее, другими словами – вернул в отцовский дом. Прошло немного времени, и я понял, что нет мне жизни без любимой. Сожалея о своей горячности и прослышав о раскаянии Дины, я отправился к ее отцу Эйनावу в Бейт-Лехем – забрать обратно свое сокровище. Со мной был молодой слуга Ярив. На обратном пути мы трое – я, Дина и слуга остановились на ночлег в Гиве, где некий добрейший человек приютил нас под своим кровом. Вместе с хозяином и его дочерью мы славно поужинали и тут...

На глаза Цадока навернулись слезы. Ему стало трудно говорить. Янон сочувственно сжал его руку. Постепенно рассказчик успокоился и продолжил.

- И тут за окнами раздался крик. Какие-то подлецы требовали от хозяина вывести к ним гостя, чтобы познать его. Это я был им нужен! Я содрогнулся – неужели мне суждено стать жертвой насилия содомитов? Дерзкие вопли подонков не утихали, и я понял: они не отступятся, и преступления не миновать. Помытуя, что в глазах Господа мужеложство есть грех худший, чем поругание женской чести, и, желая убавить от вины народа моего, я отдал насильникам драгоценную свою Дину. О, горе мне! Сердце мое истекало кровью. На утро я отворил дверь и узрел распростертое на пороге бездыханное тело мученицы... Дина была мертва...

- Глаза Цадока вновь подернулись влагой. Его собеседники переглянулись. Шем-Ханох сухо проговорил:

- Скажи, Цадок, с какой целью ты расчленил тело Дины, а части его отослал главам колен Израильских?

- Гнев переполнял меня! Как мириться с мерзостью среди избранников Божьих? Я не сдержал горячего нрава своего! Весь народ мой должен восстать на преступников и жестокой карой преподнести урок самому себе!

- Исчерпывающе ясно... – заметил Янон, - ответь, почему местом ночлега была избрана Гива?

- Слуга Ярив предложил сделать привал в Иевусе, но я возразил, мол, то иноплеменный, не иудейский город, и незачем нам касаться скверны языческой! Так вот и пришли в Гиву. Кто знал, кто знал...

- Все ли обстоятельства ты открыл нам, Цадок? Не упустил ли чего важного? – спросил Шем-Ханох.

- Важного не упустил, но я понес еще одну утрату, значение ее для меня ничтожно после свершившегося.

- Незначительный факт – это тоже факт, который не перестает существовать по вине нашего пренебрежения. Мы не оставляем без внимания мелочи. Для расследования все может сгодиться! – заметил Янон.

- Пока я пребывал в Бейт-Лехеме, в дом проникли воры. Похитили увесистую золотую цепь, что я любил носить на шее. Найти вещицу было легко – я по забывчивости оставил ее на виду. Да разве сейчас пристало думать об украшениях? Снявши голову по волосам не плачут!

Шем-Ханох попросил Цадока рассказать, как выглядела украденная цепь. Тот с готовностью и подробно описал пропажу. Шем-Ханох продолжал допытываться, не исчезло ли еще что-нибудь.

- Пропала и маленькая цепочка, которую я одевал на запястье. Цена ее совсем невелика, и зачем ворами потребовалось переверачивать весь дом ради небольшой поживы? Как-то раз я чрезмерно уступил соблазну винопития, уронил наручную побрякушку и потом забыл о ней. Должно быть, воры видели ее на мне. Когда я заметил исчезновение большой цепи, я сразу вспомнил, что маленькая упала в щель между стеной и полом возле очага. Глянул туда – и верно, место разворочено, значит искали и нашли.

- Последний вопрос, Цадок, - задумчиво проговорил Шем-Ханох, - отец Дины, твой тесть Эйнав – богатый человек?

- Он не беден. К тому же ему выпало наследство, и он посулил мне долю. Эйнав – добрейшая душа, он любит меня, как родного сына. Какой теплый прием он оказал мне! Я долго гостил у него, и лишь на пятый день он неохотно отпустил меня. Право, я не люблю злоупотреблять расположением людей – надо ведь и честь знать!

Распрощавшись с Цадоком, наши дознаватели обменялись соображениями.

- Не нравится мне этот левит, - заметил Янон, - мне кажется, он лицемер, а, возможно, и вовсе не потерпевшая сторона. Истинно скорбит тот, кто плачет втайне.

- Лицемерят не удовольствия ради, а в тупик попавши. Лжецы и лукавцы частенько остаются на бобах.

- Однако, как алчны и неразумны воры!

- Не торопись, Янон, уличать воров в глупой жадности! – возразил Шем-Ханох, - похитители быстро обнаружили лежавшую открыто большую дорогую цепь. Долго находиться в пустующем доме было опасно – ведь соседи знали об отсутствии хозяина, и, заслышав шум, тотчас ворвались бы. Однако, взломщики упорно искали маленькую цепочку, сознательно рискуя. Значит, она была им крайне нужна. Зачем? Это мы должны выяснить. Предполагаю, что кража имеет отношение к главному преступлению.

Менахем слыл человеком гостеприимным. Только он один во всей Гиве вызвался предоставить ночлег левиту и спутникам. Что и говорить, он радушно принял Шем-Ханоха с Яноном. Горечь недавнего потрясения отступила перед приятностью ожидания скорой свадьбы дочери Наамы. В доме царил дух праздника и радость приготовлений. Хозяин усадил гостей. На столе появились глиняные миски, деревянные ложки, горшок с пшеничной кашей и, конечно, соль и оливковое масло. Наама принесла кувшин с соком апельсинов и две корзины – в одной громоздились яблоки, другая источала аромат персиков.

- Достойный Менахем, - воскликнул польщенный теплым приемом Шем-Ханох, - я крайне сожалею, что вынужден вернуть тебя к воспоминаниям злосчастной ночи. Прошу, изложи ее события в том порядке, как они происходили.

- Я рад помочь дознанию и раскрытию злодейства, - сказал в тон Менахем, - и расскажу все известное мне ради водворения справедливости и мира в Гиве и во всем народе иудейском. Дело было так. Я возвращался с поля и заметил известных тебе троих людей, жаждавших ночлега. Я ввел их в дом. Мы отужинали и вели мирную беседу. Я толковал с Диной и Цадоком, а слуга его Ярив мило и нежно шептался с моей Наамой. Вдруг за окном раздались дерзкие крики – какие-то негодяи-мужеложцы требовали от меня, чтобы я выдал им моего гостя, то есть Цадока. Преступники хотели познать его, не при девице будь сказано такая мерзость. Я вступил с ними в торг, пытался урезонить, предлагал взамен двух женщин – Дину и Нааму, уверенный, впрочем, что дочь мою, как уроженку Гивы, они не посмеют тронуть, а Дина все же не девица, да и позору меньше – обесчестить женщину, а не мужчину. Подлецы не соглашались на замену, и тогда на переговоры к ним вышел Ярив, потом вернулся. Тут Цадок взял Дину за руку, и вывел на улицу, и оставил ее там, и все стихло. На утро Цадок отрыл дверь, а Дина лежала на пороге дома. Он велел ей приготовляться в путь, и вскоре трое моих гостей убралась восвояси.

- Скажи-ка, Менахем, что Дина ответила Цадоку, когда он обратился к ней? – спросил Янон.

- Она была слишком слаба, говорила очень тихо, я не разобрал ее слов.

- Я вижу, в доме твоём, Менахем, начинаются предсвадебные хлопоты, - заметил Шем-Ханох, - и кто же счастливцев-жених?

- О, это прекрасный юноша, - воскликнул Менахем, - знакомый нам Ярив!

- Когда же дело сладилось? – полюбопытствовал Шем-Ханох.

- Все в тот же злополучный вечер, - ответил Менахем, - девчонка влюбилась в Ярива с первого взгляда. Чего ты краснеешь, Наама? Разве твой отец не прав? Пока я беседовал с Диной и Цадоком, молодые секретничали и нежно глядели друг на друга. Быстро сговорились обо всем. Нынче молодежь смелая и себе на уме, не то, что в мое доброе старое время...

- Да ведь слуга же беден, ты отдаешь Нааму за босняка? – удивился Янон.

- Ничуть! Ярив выкупает мою красавицу за хорошие деньги! - возразил довольный Менахем.

- Не из праздного любопытства, но в интересах расследования я хочу знать, каков могоар? – строго спросил Шем-Ханох.

- Двести шекелей серебра! – прозвучал гордый ответ.

- Мы с Шем-Ханом приветствуем твою удачу, Менахем, - воскликнул Янон, и рады за прекрасную Нааму. Будем надеяться, что счастье поселится в доме молодоженов!

Наама вновь зарделась, опустила глаза. Спросила гостей, не желают ли они отведать еще фруктов. Шем-Ханок заверил девицу, что они вполне сыты.

Янон умел располагать к себе женщин, знал в себе немалую такую силу и с благородными побуждениями пользовался ею. Он взглянул на Нааму нарочито почтительно и заговорил вкрадчивым голосом.

- Любезная Наама, мне известно наверняка, юные девы умеют тонко понимать людские души. А осведомленность женщин в делах сердечных просто восхитительна, и глубина ее мужчинам недоступна. Поведай, что известно тебе и твоим товаркам о любовных приключениях Цадока, если таковые случались.

- Да ничего особенного, все заурядно, - с неожиданной искушенностью бросила Наама, - когда-то, говорят, Цадок либил Дину, но заимел любовницу. Обманутая отомстила неверному – мера за меру. А тому только того и надо. За измену он отправил бедняжку к ее отцу, а сам миловался с новой зазновой. Но почему он забрал Дину обратно – этого мы с подружками пока не знаем!

- Это и нам крайне интересно и важно! – заметил Шем-Ханок.

На этом гости распрощались с сердечным хозяином и его прелестной дочерью.

6

- Ты прав, Янон: хитер и лжив Цадок! Он обманул, сказав, что Дина утром была мертва – ведь он говорил с ней! И не из благородства умолчал о своей новой пассии.

- Мне кажется, Цадок забрал Дину, чтобы, убив ее, расчистить путь к женитьбе на любовнице. Первую часть умысла он, кажется, осуществил! – изрек Янон.

- Возможно, - согласился Шем-Ханок, но, боюсь, дело куда как сложнее. Нам предстоит получше разобраться в фактах, свершившихся проклятой ночью. Мы имеем дело с хитрым противником, и чтобы вывести его на чистую воду, мы употребим наше искусство во всем его величии. Разве не естественно предположить, что юный красавец Ярив и нежная Наама были для преступников более желанной добычей, нежели Дина? Почему закоренелые мужеложцы и насильники в конце концов согласились на замену? О чем говорил с ними слуга Цадока?

- Кстати, Шем-Ханок, не пора ли нам встретиться с Яривом?

- Безусловно, такая встреча состоится, но, я думаю, сейчас нам нужно без промедления мчаться к Эйनावу, несчастному отцу Дины.

Янон догадался о желании Шем-Ханок беседовать с Яривом наедине. Он привык к скрытности старшего друга и, мирясь с нею, доверял ему. Усевшись в колесницу, наши герои направились в Бейт-Лехем.

Дверь дома была не заперта, чуть приоткрыта. Легонько постучав, чтобы возвестить о себе, Шем-Ханок и Янон вошли. Ни слова не говоря, уселись на низкую скамью. Придали физиономиям печальный вид. Напротив, на циновках, брошенных на глиняный пол, сидел

горюющий отец, рядом с ним расположилась женщина средних лет. Годы не стерли знаки привлекательности с ее лица.

Увидев вновь вошедших, Эйнав утер платком слезу. Он тяжело вздохнул, пробормотал “Какое горе...” и вновь погрузился в молчание. Затем он подал женщине немой знак, она принесла воду в кувшине, кружки, тонко нарезанные ломти хлеба.

- Какое горе... – повторил лишившийся дочери родитель, - благодарю вас, добрые люди, за сочувствие. Но я не знаю вас, кто вы такие?

Шем-Ханох и Янон представились скорбящему. Произнесли сдержанные и простые слова соболезнования. Выпили воды, к хлебу не притронулись. Сказавши Эйнаву “Да утешит тебя Бог”, женщина ушла.

- Бедная, бедная Дина... Единственная дочь... Какой страшный конец... Слишком мало радости выпало девочке в жизни, – вновь заговорил Эйнав, - я любил Цадока, как сына... Я слышал, он сам отдал ее на растерзание... Я не могу поверить... Мне некого хоронить... Нет могилы, где поплакать... Зачем он надругался над ее телом? Он потерял рассудок от горя?

- Почтенный Эйнав, - произнес Шем-Ханох, - найти ответы на все вопросы – есть наша с Яноном миссия. Старейшинами города Гивы нам поручено раскрыть преступление и назвать имена виновных. Это дело важности необычайной, ибо свершенное злодеяние чревато бедой для всего народа иудейского. Посему мы просим тебя, дорогой Эйнав, обуздай горькое чувство в сердце твоём и найди силы помочь дознанию.

- Чем я могу быть полезен?

- Мы хотим услышать из твоих уст историю совместной жизни твой дочери с зятем и обстоятельства его последнего визита к тебе, - ответил Янон.

- Коли нужно, расскажу, что знаю. Цадок с Диной друг друга любили. Так мне, отцу, это виделось. Но разладился союз их. Ходили слухи, мол, она неверна была ему, будто и он нашел другую... Да мало ли злые языки болтают? А может, и верно – дьявол попутал. Цадок ревновал и в гневе вернул мне дочку, а сам страдал – потому как любил! И вот он не вынес разлуки и приехал ко мне забирать Дину обратно.

- Прости, перебью, - осторожно заметил Шем-Ханох, - но неужто лишь по причине сердечной склонности Цадок пожелал вернуть Дину? Нам известно, что...

- Да, да – ты прав! Я получил наследство. И возник у меня замысел жениться. Вы видели тут женщину... По правде говоря, ежели бы я ввел в дом хозяйку, то лучше бы дочери жить не со мной... Я дал знать зятю о моем намерении поделиться с ним серебром, но не думаю... Прежде не думал... Будто он польстился на деньги – сердце правило им. А разве плохо, когда к добру добро льнет? Любовь и богатство – благословенное совпадение!

- Сколько ты наследовал и сколько обещал зятю? - спросил Янон, - нам важно знать.

- Я пулучил четыреста шекелей серебра, а Цадоку назначил сто.

- Где сейчас находятся деньги?

- Они у меня дома.

- А теперь, Эйнав, расскажи о последнем посещении Цадока, - попросил Шем-Ханох.

- Приехал Цадок со слугой своим, кажется, по имени Ярив. Лицом красивый и крепкий телом юноша. Я сердечно принимал гостей, угощал всем лучшим, что было дома. Цадок с Диной уж собрались прощаться, но я удерживал. Я ждал прибытия казны со дня на день и хотел отдать Цадоку его часть – мне не терпелось покончить с этим делом. Я сообщил ему о величине наследства и о его доле. Тут он заторопился домой. Сказал, что когда придут деньги, вернется за ними и слугу с собой прихватит. На следующий день после его отъезда я получил груз серебра, и тут же пришло страшное известие...

- Эйнав, ты сообщил нам важные вещи, и мы благодарим тебя, - сказал Шем-Ханох, - поверь, мы скорбим вместе с тобой. Я полагаю, что серебро, которое ты хранишь дома, должно быть надежно спрятано. Однако, навряд ли ты станешь заниматься этим до окончания семи дней траура. Поэтому для безопасности твоей и твоего наследства мы устроим охрану. На этом прощай, и да утешит тебя Господь в твоём горе.

Шем-Ханох и Янон покинули дом Эйнава. Остановились, каждый думал о своём.

- Слушай меня, Янон, - я не сомневаюсь, Эйнаву грозит беда. Ты знаешь, сколь чужда мне мистика, и как презираю я всяческие суеверия, но при всем при том я полагаюсь на предчувствия, как на очевидность, и сглаза весьма опасуюсь. Потому не стану раньше времени оглашать свои догадки. Будь добр, до окончания дней траура поживи у Эйнава охраны ради. Надеюсь, твои жены стойко перенесут недолгую разлуку. А я тем временем повстречаюсь с Яривом и еще с кем-нибудь, если потребуется. Я пошлю к тебе мальчика. У него быстрые ноги и цепкая память. С его помощью ты ежедневно будешь докладывать мне о развитии событий.

Порешивши на этом, дознаватели распрощались. Янон остался у Эйнава, а Шем-Ханох уехал.

7

Не мешкая, Шем-Ханох наладил колесницу в сторону горы Эфраимовой и, домчавшись до места, направил свои стопы к Яриву, проживавшему неподалеку от Цадока. Посланца старейшин встретил красивый и крепкий парень. Лицо молодца грустило, очи были подернуты не юношеской печалью.

- Я скорблю вместе с моим дорогим хозяином Цадоком, - сказал Ярив после краткой церемонии знакомства.

- Верно ли, драгоценный Ярив, что ты намерен жениться на Нааме?

- Да, мой господин, мы полюбили друг друга с первого взгляда. Окончатся дни траура по несчастной Дине, и мы с отцом невесты станем готовиться к свадьбе.

- Ярив, а ведь ты всего-навсего слуга, откуда у тебя деньги на могоар?

- О, господин мой, мне привалило счастье необычайное! Не зря отца Наамы зовут Менахем! Этот милосерднейший человек совсем некорыстолюбив. Счастье дочери для него первее мощны. Он видел, как горячо полюбила меня Наама и не стал требовать выкупа, наоборот, пообещал небольшое приданое. Этого, вместе с мною прикопленным, нам с Наамой хватит на начальное обзаведение.

- Воистину, Ярив, ты родился под счастливой звездой! Любовь и бедность – благословенное совпадение!

- Как хорошо, мой господин, что сердце твое чутко слышит голос любви! Да, люди в большинстве алчны и бескорыстию не верят. Ты – исключение!

- Я польщен! А теперь припомни-ка, любезный, известные тебе события. Преступники поначалу требовали выдать им Цадока, потом отступились, согласились удовольствоваться Диной. А тебя, молодого красавца, даже и не помянули. Ты был там, как объяснишь чудеса?

- Мой господин, любовь и радость переполняли меня, и только это я могу тебе сказать!

- Однако, Менахем сообщил мне, что ты выходил на улицу, где насильники готовились бесчинствовать!

- Ах, да! Совсем забыл, я, кажется, действительно на мгновение высунулся из дома. Я должен был уgomонить душевное волнение в груди. Я был опьянен признанием Наамы, и, поверь, вещи неромантичные проносились мимо моих ушей и глаз. Кто, как не ты, поймет меня!

- Благодарю тебя, Ярив, за честные слова. Не сомневаюсь, что вскоре мы свидимся вновь. До встречи.

Ложь слуги была чрезвычайно приятна Шем-Ханоху. Теперь-то он не сомневался в своих догадках.

8

Как и условлено было, Янон поселился в доме Эйनावы, охраняя жизнь и достояние скорбящего. Через расторопного мальчика-курьера он передавал регулярные донесения Шем-Ханоху. Впрочем, ничего опасного или подозрительного не происходило, царили покой и печаль. Покладистый юный связной не отказывал Янону в личных просьбах и исправно передавал обеспокоенным его женам, старшей и младшей, обещания скорого возвращения домой их верного супруга.

В последний день траура примчался запыхавшийся мальчик и сообщил Янону, что Шем-Ханох требует немедленной встречи с ним. Отрок привел Янона к пещере поблизости от дороги в Бейт-Лехем. На камне у входа в грот сидел с озабоченным лицом Шем-Ханох. Друзья обменялись краткими приветствиями.

- Мой дражайший товарищ, - торжественным тоном заговорил Шем-Ханох, и Янон понял, что друг его имеет сообщить нечто важное, - сегодняшней ночью я ожидаю событий, которые увенчают успехом наше расследование. Я уверен, что с наступлением темноты по этой дороге направятся к Эйнаву недобрые гости. Ты узнаешь этих людей, одного из них – наверняка. Они задумали ограбить охраняемого тобой человека, а если дело на заладится, они убьют его. Мне потребуются лучшие твои достоинства – сила, проворство, смекалка. У нас есть помощники, - добавил Шем-Ханох и указал на черноту зияющего входа в пещеру. Присмотревшись, Янон различил четыре горящих огонька – глаза двух огромных псов, доставленных Шем-Ханохом с его двора.

- Разумеется, Шем-Ханох, я с готовностью вручаю тебе мои достоинства, а с ними же – и недостатки! Подстрекаемый последними, я признаюсь, что понимаю моему пока не доступно, и я, не стесняясь, вопрошаю, отчего же именно в ближайшие часы ты ожидаешь появления преступников?

- Негодяи медлить не станут, у них на то есть веская причина, которая откроется тебе чуть позднее. Итак, разбойники знают, что в доме есть серебро. Не сомневаюсь, они выследили тебя, узнали о твоей охранной миссии и затаились. Сегодняшней ночью истекают дни скорби, стало быть, Эйнав спрячет сокровище и освободит тебя. Тут-то они и нагрянут и, угрожая хозяину смертью, заставят его отдать вожделенный металл.

- Я не перестану восхищаться твоей проницательностью, друг!

- Спасибо. Однако, стемнело. Давай-ка повнимательней глядеть на дорогу. На наше счастье ночь звездная, и луна трудится на славу.

Долго ждать не пришлось. Показались две фигуры верхом на ослах.

- Это те, кто нам нужен! – тихо промолвил Шем-Ханох, - я отвяжу наших некормленных помощников, они вступят в бой первыми, мы – за ними.

Шем-Ханох освободил дрессированных псов, указал направление, прошипел понятный им сигнал, и две голодных четвероногих твари ринулись исполнять звериную службу, дабы внести свой собачий пай в битву с беззаконием.

Завязалось неравное сражение. На выручку горе-грабителям подоспели дознаватели. Шем-Ханох первым делом швырнул псам по солидному куску мяса, и они с урчанием принялись пожирать награду, забыв об изрядно покусанных и смертельно напуганных ночных гостях. Сноровистые Шем-Ханох и Янон крепко связали по рукам и ногам обоих прохвостов, засунули им в ром по изрядному пучку сена и перетащили на телегу. В лунном свете Янон сразу узнал Цадока. “А кто второй?” – спросил он. “Да это же слуга левита – Ярив!” – торжествующе вскричал Шем-Ханох.

Бойцы присели отдышаться после победоносного сражения. Тысяча вопросов вертелись на языке у Янона, он с восхищением смотрел на старшего товарища. Однако, Шем-Ханох твердо заявил, что еще не настало время для рассуждений. Сейчас необходимо передать злоумышленников в руки закона, а, главное, изблечить насильников.

- Посмотрим, Янон, что эти люди взяли с собой в дорогу, - сказал Шем-Ханох и открыл мешок Цадока, - маски! Стало быть, левит со слугой хотели остаться неузнанными, значит, они не собирались лишаться жизни Эйнава, надеялись обойтись грабежом. А что в мешке у Ярива? О, я нашел именно то, что ожидал! Нож! Орудие убийства слуга предназначал для господина! Цадок, ты слышишь? Ярив намеревался зарезать тебя, а награбленное целиком забрать себе! Янон, я все объясню тебе чуть позже. Сейчас мы доставим наших пленников в Гиву и передадим старейшинам. Бнаяу и Баная отлично знают, как заставить таких субчиков говорить правду.

Пролетели два-три дня после описанных бурных событий у дороги в Бейт-Лехем. Янон направился в гости к Шем-Ханоху. Войдя во двор, он увидел привязанных четвероногих помощников. Взгляд их сытых глаз выражал довольство исполненным долгом. Конь и осел находились на своих местах, мирно жевали.

Янон прислушался. Из окна до него донеслись чудные звуки. Он неслышно вступил на порог. Шем-Ханох самозабвенно играл на арфе и тихо напевал псалом. Напротив расположилась Хана, престарелая рабыня. Она любила слушать игру своего доброго хозяина.

Шем-Ханох окончил песнь, улыбнулся другу и жестом пригласил его сесть. Хана встала, наполнила две большие кружки разбавленным вином и удалилась, предвидя неинтересный долгий разговор мужчин.

- Шем-Ханох, Мы можем поздравить друг друга с завершением расследования, верно? – начал Янон.

- Безусловно! Велик наш вклад в разоблачение зла! Я с радостью сообщаю тебе, что насильники – имена их Арель и Дарель – арестованы и пребывают под стражей.

- Слава Всевышнему! Надеюсь, Шем-Ханох, ты понимаешь мое нетерпение. Я жажду поскорее узнать, как удалось отыскать и уличить негодяев. Но прежде всего, дорогой друг и наставник, просвети, на основании каких неизвестных мне фактов ты пришел к мысли о нечестивых намерениях левита и слуги.

- Пожалуй, я не соглашусь с тобой. Ведь обстоятельства, пробудившие мои первые подозрения, были известны нам обоим. Мы вместе беседовали с Цадоком, Менахемом, Наамой и Эйनावом. Мы отметили фальшивость Цадока. Мы слышали от Наамы, что у него была любовница, и он изменял Дине, а та – ему в отместку, и под этим предлогом он вернул ее отцу. Мы узнали от Менахема, что нищий слуга намерен жениться на его дочери и выкупает ее за неплохой могар. Мы выяснили, что Ярив говорил с насильниками, и те умерили свои притязания. Эйнав не скрыл от нас величину своего наследства и долю Цадока. Для основательных предположений довольно этих сведений.

- Как же распорядился ими твой ум, как рассуждал ты?

- Предельно просто, Янон! Я спросил себя, почему Цадок, разлюбивший Дину, тем не менее захотел вернуть нежеланную наложницу? Эйнав помог мне с ответом: он сообщил нам о получении наследства и о том, что загодя уведомил зятя, мол, поделится с ним. Я обратил внимание: когда Эйнав назвал Цадоку его долю, тот, во-первых, заторопился уезжать, а во-вторых, обещал забрать свою часть в другой раз, приехав со слугой. Цадок был недоволен обещанным и рассердился. Добыть больше можно было лишь грабежом или убийством. Тут и пригодился бы молодой и сильный слуга.

- Рассуждения твои логичны, но, мне кажется, поведение Цадока у Эйнава можно было толковать как-нибудь иначе.

- Совершенно верно, Янон! Однако, вспомним события трагической ночи. Безденежный Ярив вдруг находит средства на могар, а, главное, он вступает с преступниками в переговоры, в результате которых спасает себя, Цадока и Нааму. Ясно, он подкупил негодяев. Откуда возьмет серебро Ярив? Да только у Цадока! Значит, деньги нужны и левиту и слуге, причем последнему требуется много, ибо от насильников дешево не откупиться, да еще и Менахему обещано. Что остается бедняге Яриву? Сначала помочь Цадоку обездолжить Эйнава, а потом ограбить и убить сообщника!

- Эти рассуждения изрядно придают основательности твоим подозрениям!

- В те дни, что ты охранял Эйнава, я сумел добыть сведения, добавляющие прочности моей версии. Первым делом, я посетил Ярива. Он нагло лгал мне, но я почел за благо не опровергать его наивное вранье. Ведь если б он почуял недоверие, то изменил бы свои и Цадока планы, и мы бы не захватили их. Далее, я разыскал новую возлюбленную Цадока. Оказалось, эта парочка лелеяла мечту покинуть поселение, купить в Йевусе дом с виноградником и зажить там. Картина прояснялась. Я представил себе последовательность замыслов Цадока. Узнав о

намерении тестя поделится с ним, при условии, что Дину он заберет обратно, Цадок отправился в Бейт-Лехем. Он надеялся, получив деньги, снова изгнать Дину, а с любовницей сбежать в Иевус. Однако, приобретение дома требует, как я выяснил, двухсот шекелей серебра, а Эйнав разочаровал его, обещав лишь сто. Мысленно левит уж нежился в ласковых водах новой жизни, и не доставало сил душевных отказаться от мечты. Как быть? Пожалуй, проявив терпение он наймет убийц и покончит с Эйнавом. Тогда все деньги перейдут к нему, при условии, что Дина с ним. Потом ее можно будет изгнать, и откроется дорога к счастью. Непредвиденные события в Гиве нарушили план. Он задолжал спасшему его Яриву. Долг насильникам нужно отдать быстро – лиходеи не простят долгого ожидания. Поэтому левит и слуга торопились завладеть деньгами сразу же по окончании траура. Ты, кажется, спрашивал, Янон, как догадался я о времени появления грабителей?

- Да, все логично. А как удалось обнаружить имена насильников?

- Сажика мне, Янон, по дороге ко мне не слыхал ли ты какие-либо стоны?

- Слыхал. И видел, как тюремщики секут двух охранников, и у бедняг спины в крови, и они стонут. Это имеет отношение к нашему делу?

- Да, Янон. И здесь я напомним тебе о похищении золотых предметов у Цадока – мы обсуждали это. Раскрытие кражи помогло найти насильников, а также объясняет виденное тобой телесное наказание. У левита пропали две золотых цепи – большая дорогая и малая цены невеликой. Я спросил старейшин, не известно ли им что-либо о краже. Со слов Цадока я описал, как выглядела большая цепь. Бнаяу просиял лицом, а Баная и вовсе засмеялся. Оказывается, вещь эта им хорошо знакома. Дело в том, Янон, что в нашей Гиве установлен порядок – если кто из жителей желает покинуть город на ночь, он обязан оставить у старейшин дорогой предмет. Предполагается, что ценный залог поможет удержать горожанина от злодеяния вне городских стен. По возвращении вещь возвращается владельцу.

- Сомневаюсь, что такая мера поправит репутацию города, - заметил Янон.

- Любой позор можно смыть, восстановив доброе имя.

- На разбитом и склеенном из черепков кувшине видны следы.

- Согласен. Однако, я продолжаю. Бнаяу сказал, что накануне несчастья двое молодых мужчин, Арель и Дарель, оставили в залог цепь и, взявшись за руки, вышли за городские ворота. Поутру они вернулись и получили залог обратно. Баная добавил, что изрядно удивился, увидев у этих оборванцев золото. Они сразу были заподозрены в воровстве. Я подтвердил старейшинам их опасения и рассказал о маленькой цепочке. Через час Арель и Дарель были арестованы. Они сознались в краже большой цепи, а маленькая цепочка им, якобы, не известна, и если и украдена – то это не их рук дело. Об изнасиловании Дины они, по их словам, узнали утром, вернувшись в Гиву.

- Заложная большая цепь должна была служить им доказательством отсутствия на месте преступления!

- Они на это надеялись. Слушай дальше. Пока Арель и Дарель находились под арестом, мы с тобой, Янон, доставили старейшинам нашу добычу. Завидев инструменты пыток, Ярив вспомнил план ограбления Эйнава и намерение убить Цадока. Он сообщил, что задолжал насильникам двести шекелей серебра. Мой расчет не оплошал. Цадоку требовалось двести шекелей на покупку дома с виноградником и двести – долг спасителю. Всего четыре сотни. Могар Ярива составлял двести шекелей, да двести – рассчитаться с преступниками за их

уступчивость. Опять выходит четыреста. Стало быть, и левиту и его слуге необходимо было наследство Эйнава целиком!

- Я восхищен, Шем-Ханох, у меня нет слов!

- У меня есть, Янон! Слуга назвал имена насильников, с которыми он сговорился. “Это они?” – спросил его Бнаяу, приведя двух молодцов. “Да, они...” – признал Ярив. Но те запротестовали, мол впервые видят Ярива, и он лжет – ведь их не было в городе в ночь преступления, и старейшинам это известно! Тогда тюремщик привел в действие одно из своих устройств, и Арель, не выдержав боли, признался. Они с дружкой Дарелем оставили залог, покинули город, дождались ухода старейшин, подкупили охранников маленькой цепочкой, воротились назад, свершили то, что теперь всем известно, перед рассветом охранники выпустили их, а позднее они вновь вошли в Гиву, как честные горожане.

- Теперь мне ясно, за что секут охранников. Я был прав, Шем-Ханох, назвав воров алчными и неразумными. Нужели эти оборванцы надеялись, что их не заподозрят в воровстве, когда они покажут золотую цепь!

- Я не уверен, в неразумии ли дело. Дремучие инстинкты правят темными душами этих людей. Их страсть к мужеложству неодолима, но боятся они страшной кары за сей грех. Они задумали обман – представить дело так, будто не было их в Гиве в ночь преступления. Но что эти нищие могли заложить у старейшин, чтобы покинуть город? Надо украсть. Они сознавали, что попадутся на воровстве, предпочитая пострадать за малое, но испытать возжеленное. Судьба опрокинула их замысел, оставив им утешение – они не стали садомитами.

- Веришь ли ты Цадоку, что он расчленил тело Дины в порыве гнева и части его разослал коленам Израильским, дабы поднять народ на искоренение зла? – спросил Янон.

- Я не сомневаюсь, что он лжет. Думаю, он рассчитывал посеять смуту и тем отвлечь внимание от своих гнусных дел. Но проверить это никак нельзя, как нельзя узнать, умерла ли Дина в дороге, или ее убил Цадок, - ответил Шем-Ханох.

- Как полагаешь ты: выдадут Ареля и Дареля на всеобщий суд, или начнется братоубийственная война?

- Я не пророк, Янон. Худо, что нет сейчас царя над нами. Однако, мы свое сделали, а повелители народные – пусть вершат свое. Власть предержажие – уже поэтому мудрецы, не так ли? – спросил Шем-Ханох, и, как показалось Янону, ухмыльнулся.

Янон взял в руки арфу и подал ее другу. Тот стал перебирать струны, затянул псалом, Янон подхватил. Вошла Хана, уселась на лавку в углу, стала слушать.

Расследование второе

1

Настоящая история повествует о пренеприятнейшем событии, случившемся в давние-давние дни в городе Гиве. Хотя, если хорошенько подумать, то называть сие происшествие пренеприятнейшим не вполне правильно, ибо оно есть тяжелая драма, пожалуй, скорее, трагедия, некоторые герои которой насквозь порочны, а правят ими грязные страсти и бесстыдная алчность. Но тем хороша трагедия, что взывает к сердцу и очищает его жалостью и ужасом.

Возблагодарим Господа, позволяющего лишь малому числу рабов своих нести людям зло, и благословим добрых и праведных, невеликая горстка которых вскрывает язвы. И первых и вторых – очевидное меньшинство в несметной толпе человеческой, но только редких и исключительных натур деяния запечатляются в памяти поколений.

Достойные всяческого уважения старейшины Бнаяу и Баная заправляли делами Гивы, и не их вина, что порой вершились в городе преступления, но их заслуга в раскрытии оных.

Бнаяу и Баная жили в лучшем квартале людной улицы, бравшей начало у городских ворот, превращавшейся в рыночную площадь в середине своей длины и оканчивающейся у дальней крепостной стены. Не будем скрупулезно описывать внешний вид и внутреннее убранство домов этих достойных горожан, но заметим, что жилища их по праву признавались лучшими в Гиве, главном городе колена Бенямина.

Бнаяу смолоду женился на Анат. Осчастливленная долгими годами супружества, дружная чета сосуществовала с порожденными ею детьми и обожала внуков, коих насчитывалось великое множество. Именитый дед к стыду своему не всех помнил по именам. У Анат была старшая сестра, Мири-Милка, обитавшая в скромном доме неподалеку. О ней следует рассказать подробнее.

2

В сущности говоря, Мири-Милка – старуха, но не гоже так называть умнейшую и добрейшую из матрон. Провидению угодно было сберечь ее в девичестве, но она вовсе не роптала, скорее благодарила судьбу, что уберегла ее от неизбежных каверз и разочарований на тернистом пути мужней жены. Не станем, однако, претендовать на исчерпывающее понимание извивов женского сердца.

Мири-Милка горячо любила сыновей и дочерей своей младшей сестры Анат, а во внучатых племянниках просто души не чаяла. Она не только помнила по имени каждую пчелку в этом сладко жужжащем рое, но всегда имела в запасе предложение к родителям, как назвать новичка, готовящегося к появлению на белый свет.

Сухощавая, среднего роста, умеренная в еде, энергичная, не смотря на почтенные годы Мири-Милка не жаловалась на здоровье. Она выращивала цветы в садике перед домом. В комнате ее всегда благоухал пышный букет в глиняной вазе с водой. Светлое место у окна занимало приспособление для ткачества. Она отдавалась этому ремеслу, и замечательные материи выходили из-под ее умелых рук. Мири-Милка и шила отменно. Рубахи и штаны – теплые зимние и легкие летние – укрывали наготу родных мальцов.

Разумеется, деятельная природа этой женщины не ограничивалась ткачеством, шитьем, садоводством или хлопотами с детворой. Мири-Милка добровольно собирала пожертвования на различные благородные цели и преуспевала в этом занятии, за что ее весьма ценил глава молитвенного дома. Она стучала в двери зажиточных горожан, напоминала хозяевам о важном значении благотворительности и от имени небес обещала воздаяние в неизбежной перспективе. Сопровождавший ее мальчик погружал на тележку то связанную по ногам и крыльям курицу, то полдюжины яиц, то каравай хлеба, то бурдюк с вином или козьим молоком, то хороший кусок материи, то небольшой мешок зерна – короче все, чем делится благоразумная щедрость.

Далее путь Мири-Милки лежал в дома бедняков. Она одаривала нуждающихся по своему разумению, всегда справедливому. Заметим, что она никогда не открывала

облагодетельствованному имя давателя, а тому не сообщала, кого из нуждающихся он осчастливил. Мудрость сия была очевидна ей и без разъяснений помазанных служителей Бога.

В каждом доме она вступала с подробную беседу со старым и малым, интересовалась делами и здоровьем, и приятным обхождением располагала к себе людей, и те охотно вверялись ей. Насыщая свое бескорыстное любопытство, Мири-Милка узнала всё и обо всех. Разумеется, столь выдающиеся знания находили самое достойное применение.

Мысль Мири-Милки светилась остротой и пронизательностью. Жизненный опыт вместе с необыкновенной осведомленностью и пониманием человеческой природы помогали ей видеть истинные побуждения сквозь туман слов. За монотонным ткачеством она обдумывала городские происшествия, и, неустанно упражняя ум, разгадывала и предвосхищала. Она полагала, что страсти людские вполне однолики – найдешь сходное в прошлом, и уж знаешь чему быть в настоящем, а хорошая память исправно доставляла ей полезные аналогии.

Как упоминалось выше, в Гиве случались события пренеприятнейшие, чтобы не сказать хуже. По установившемуся обыкновению разбирали их старейшины Бная и Баная. Иной раз они призывали на помощь Мири-Милку, хотя делали это лишь в крайних обстоятельствах, оберегая от ущерба свой престиж. Она откликнулась с готовностью, и уж если бралась за дело, то доводила его до конца. По правде говоря, ее вклад зачастую бывал решающим, однако, щадя мужское самолюбие, она не выпячивала свою роль.

3

Как то раз Мири-Милка подчевала внучатых племянников пирогом с сушеными фруктами. Она снисходительно смотрела, как ребяташки отрывали верхнюю корочку и первым делом поедали сладкую начинку. Потом, но уже с меньшим пылом, они макали печеное тесто в блюде с оливковым маслом и отправляли размягченные куски в рот. “Баба Анат” не позволяла им разнимать пирог, поэтому они охотнее лакомились у либеральной “бабы Милки”. Младшая Анат слишком любила сестру, чтоб ревновать ее к внукам.

Резкий стук в дверь ворвался в шумную идиллию. Вошел посланный Бная слуга. Он передал Мири-Милке настоятельную просьбу старейшины без промедления явиться к нему. По встревоженному голосу гонца она поняла, что произошло нечто важное. Заранее предвкушая новую возможность обнаружить свой сыскной талант, она с удовольствием заторопилась. Малышню выпроводила из дома, дабы не искушать судьбу хрупкого и чистого.

В большой парадной комнате на высоких стульях восседали Бная и Баная. Сбоку на умягченной циновками низкой лавке расположилась Анат. Поприветствовав сановное собрание, Мири-Милка уселась рядом с сестрой. Равнодушная к мужниным делам, Анат не видела в них много проку. Однако, осторожный супруг, остерегаясь заплутать в глухих лабиринтах женской логики, обязательно звал ее на совет в тех случаях, когда приглашалась Мири-Милка, ибо он дорожил семейным миром и держался от греха подальше. Гостья ожидала торжественной речи Бная, которую он произнесет специально для нее. Помощи он просить, конечно, не станет, но повадки и устремления дорогого зятя ей известны.

- Беда пришла в Гиву! – воскликнул Бная и взглянул в глаза Мире-Милке, - некий левит, державший путь из Бейт-Лехема в свое поселение на горе Эфраимовой проследовал через наш город и остановился на ночлег с наложницей и слугой. Несколько негодяев громкими криками с улицы потребовали от домохозяина, давшего приют путникам, вывести к ним гостя, ибо они вознамерились познать его.

Произнеся последние слова, Бнаяу отвел взгляд от Мири-Милки и потупился. Выражение лица ее стало непривычно строгим. Анат прислушалась.

- К счастью, это преступление не свершилось, - продолжил старейшина, - но то, что произошло, не многим лучше. Гнусные супостаты ночь напролет насильовали наложницу, издевались над беззащитной женщиной. Утром левит забрал ее – мы пока не знаем, живую или мертвую – и увез к себе. Он разрезал тело несчастной на двенадцать частей и отослал их правителям колен Израильских. Теперь главы народа иудейского говорят нам, мол, слишком тяжко злодеяние, и посему отдайте на общий суд виновных, а иначе объявим войну всему племени Беньяминову. Мы с Банаей думаем, что прежде надо отыскать преступников и раскрыть до конца лиходейство, а уж потом решать, кому судить их.

- Вот именно! – вставил слово Баная, - зачем войной грозить? Беда наша общая в том, что нет нынче царя над народом!

Анат тихонько выскользнула из комнаты. Шепнула мужу, дескать, дочери младшей надо по хозяйству помочь, она на сносях, ей рожать в первый раз.

Мири-Милка сидела с красным от негодования лицом. Гнев бушевал в сердце ее: “Вот он – сильный пол! Безбожники! Извращенные плотолюбцы!” В глубине души она полагала всех мужчин дикими зверями, недостойными союза с женщиной. Но кому же под силу исправить мир? “Великое число лжегероев гибнет на никчемных войнах! А в бессмысленных драках? А от пристрастия к вину? Какое им дело до женщин, тоскующим по ласке и любви? Но всех хуже – содомиты, мерзейшее племя! Друг у друга грязи занимают!” - так размышляла Мири-Милка, пока Бнаяу не призвал ее и Банаю к обсуждению непростого положения.

4

С великим рвением взялась Мири-Милка за расследование, ибо задета была самая чувствительная струна ее души: жертвой мужского скотства стала беспомощная женщина. Обычно старейшины как бы невзначай обсуждали с волонтеркой продвижение дознания, а та действовала по своему разумению и с искусной неприметностью направляла их шаги к цели.

Нет нового под солнцем. И первым делом Мири-Милка вспомнила древнее преступление мужеложства в Сдоме. “Неискоренима мерзость в сердцах мужчин, - подумала она, - вот и на долю Гивы пришла беда. Ах, кабы моя воля, сделала бы с нашими негодями, что Господь сотворил с нечестивцами Сдома – слепотой их поразить, серу и огонь на головы им пролить!”

Начиная выяснение любого случая, Мири-Милка следовала простому и почти безотказному правилу – искать интерес, иными словами, докапываться, кому и какая польза от преступления. “Мужеложцы и насильники? – рассуждала она, - похотью отравлена кровь чудовищ, первое дело для них – утолить свинское сладострастие, хотя и алчность им не чужда. Надеюсь, старейшины до них доберутся. А левит и слуга? Они были с наложницей. Люди эти хоть и не из Гивы, а разузнать о них мне под силу, а потом и повстречаться с ними придется.”

У Мири-Милки не бывает скидок на престиж, и лицепрятие чуждо ей. Разве можно левита в дурных намерениях подозревать? И могла ли быть корысть у несчастного отца убитой наложницы? А слуга – вообще человек маленький! Но Мири-Милка проверит всех и всё!

5

Городские ворота Гивы – строение основательное, величиной немалое, двухэтажное. Наверху помещался апартамент для конфиденциальных бесед старейшин с горожанами. Нынешним

утром выстроилась очередь из свидетелей – соседей, проживавших рядом с роковым домом. Бнаяу и Баная вызывали их по очереди и строго спрашивали – что слышали, в какое время, знакомы ли голоса злоумышленников? Остереженные от лжи, а равно от преступного сокрытия правды, трепещущие от страха люди говорили, что знали, а чего не знали – о том молчали.

Присутствовал при сем юноша из судейских. Он хоть и косноязычен был, но памятью обладал выдающейся. Всякое сказанное слово запечатлевал в голове, будто вечные письма на камне вырубал. Понимать его речь умели только Бнаяу и Баная, и это обстоятельство частенько спрямляло пути городского правосудия. Когда случалась надобность, старейшины оглашали на понятном языке суть его бормотания.

Бнаяу и Баная выяснили, что в злополучную ночь на месте преступления поначалу вой стоял многоголосый. Вдруг возникла громкая перепалка, а потом большинство крикунов куда-то пропали, остались только два горлопана. Несколько свидетелей утверждали, что голос одного из сбежавших показался им знакомым, и они назвали имя.

Итак, найден след, появилась первая ниточка. Человека надо арестовать и заставить говорить.

6

Мири-Милка навестила гостеприимного Менахем, приютившего на ночлег путников, да в недобрый час. Разумеется, она была знакома с ним, и дочь его Нааму отлично знала – на ее глазах девочка росла. “Невеста уж, небось!” – подумала Мири-Милка.

- Мир дому твоему, почтенный Менахем!

- Здоровья тебе и всем нам, Мири-Милка! Дай Бог подольше не стариться! Будем трудиться, и пусть один за плугом ходит, а другая материи ткет! Поклонись, Наама, тетушке Мири-Милке!

- Я вижу, Менахем, физиономия у тебя довольством лоснится, и на мордашке у твоей красавицы радость написана. Говори, не таись, в чем причина?

- Обязательно скажу! С тобой первой, Мири-Милка, поделюсь доброй новостью. Наама замуж собралась. Полюбил ее молодой статный парень, и дочке он приглянулся. Чего ты конфузишься, глупенькая? Любовь – гордость, а не стыд! Принеси-ка лучше фруктов госте нашей!

- Рада за обоих. Все подробности из вас вытяну, только не сейчас, а немного погодя. Прошу простить, но сначала я должна напомнить о грустном. За этим и пришла.

- Я так и подумал. Расскажу, что знаю. Вечером я возвращался с поля после трудов дневных. Вижу, сидят трое людей неприкаянных, двое мужчин и женщина. Расспросил их. Они держали путь из Бейт-Лехема в свое поселение на Эфраимовой горе. Ночь застала их в Гиве, и я предложил им прибежище до утра.

- Как представились они тебе, Менахем?

- Главный среди них – некий левит Цадок. Женщина – это наложница его, Дина. С ними был слуга по имени Ярив. Мы отужинали и разговорились. Цадок поведал мне, что изгнал Дину по неразумию, вскоре раскаялся, потому как она бесконечно дорога ему, и забрал ее обратно от отца, что живет в Бейт-Лехеме.

- Как мирно все, как благолепно!

- Увы! Догадываюсь, Мири-Милка, что тебе уж многое известно. Наша беседа прервалась дикими криками с улицы. Негодяи требовали, чтобы я вывел им гостя, мол, хотят познать его. Я, конечно, и не подумал потворствовать страшному греху мужеложства.

- А преступники не домогались еще кого-нибудь выдать им для насыщения их гнусной похоти?

- Этого не было. Но Цадок добровольно отдал им Дину. А потом все стихло. Злодеи надругались над молодой женщиной, утром она лежала на пороге дома, живая, должно быть, сам слышал, как левит к ней обращался.

- Отец, ты, кажется, кое-что забыл упомянуть! – вмешалась в разговор Наама.

- Что я упустил, доченька?

- А ведь ты предлагал насильникам меня и Дину вместо Цадока! – сказала Наама, и Мири-Милка услышала обиду в нежном голосе.

- Ах, женщины! Волос длинный, а ум короткий! – воскликнул в сердцах Менахем и в испуге оглянулся на гостью, - разве по злобе, а не ради добра я это делал? Тебя, дочка, все-равно бы не тронули – ты уроженка Гивы. А Дина – не девица... Возьми-ка в толк, что нет преступления хуже поругания мужской чести!

Мири-Милка смерила Менахема тяжелым взглядом. Уж сколько раз она находила подтверждение своему нелестному мнению о сильной половине человечества!

- Скажи-ка, Менахем, кто кроме тебя и Цадока высовывался из дома?

- Никто, Мири-Милка.

- Да ведь Ярив выходил, - вновь подала голос Наама, - он пошептался о чем-то с негодяями, и шум стих. Он вернулся, сказал что-то Цадоку, а уж потом тот вывел Дину!

- Кто твой будущий зять, Менахем? – ледяным голосом спросила Мири-Милка.

- Нетрудно догадаться! Это Ярив. Пока я разговаривал с Цадоком и Диной, молодые ворковали, обо всем сговорились. Любовь с первого взгляда! Прекрасный юноша. Красивый, статный, сильный, любезный.

- Но он всего-навсего слуга, стало быть, бедняк. Неужто ты, Менахем, так бескорыстен, что отдаешь Нааму без выкупа?

- Весомый могоар обещал мне Ярив! – с гордостью заявил будущий тесть.

- Удачи тебе, Менахем, - холодно заметила гостя.

На прощанье Мири-Милка сердечно обняла Нааму. По морщинистой щеке скатилась слеза.

- О чем вы плачете, тетушка Мири-Милака?

- Сама не знаю, душенька. Пусть у тебя все будет славно!

“Пришло время хорошенько пошевелить мозгами, - рассуждала про себя Мири-Милка, покинув дом гостеприимного хлебопашца, - какова, однако, крестьянская хитрость! На всякий случай не

сказал мне, что Ярив переговаривался с преступниками. Остерегался, как бы не навредить ненароком будущему зятю, за могоар трепетал!”

7

Разыскать подозреваемого и арестовать его – задача старейшинам знакомая и для решения нетрудная. По имени, что указали свидетели, нашли молодца, и двое стражников крепко связали ему руки и доставили в упомянутый апартамент на втором этаже городских ворот. Парень не сопротивлялся, и странное удовлетворение разливалось по физиономии его, как у человека, предвкушавшего желанное мщение.

- Назови-ка имя свое! – приказал Бнаяу.

- Будто не знаешь! Нашел ведь меня! Я - Урия.

- А как думаешь, Урия, почему ты связанный перед нами стоишь? – спросил Баная.

- Я простой, неученый. Раз связали, значит надо вам.

- Где ты был в ночь, когда некие подонки надругались над Диной, наложницей левита Цадока? Говори правду, не то отведешь кой-чего! – воскликнул Баная, указав на стоявшие в углу устройства пыток.

- У дома Менахема я был, с этими самыми подонками, но не знал их намерений. Я ни в чем не виноват, и греха нет на мне!

- Что вы там делали и сколько вас там шляется? – строго спросил Бнаяу.

- Сколько? Не знаю, я счету не обучен. А плохого делать не собирались. Так, веселились, галдели маленько. Нет ведь закона, чтоб с заходом солнца не шуметь! Я ни в чем не виноват!

- Плохого делать не собирались, говоришь? Одно хорошее на уме было? Долго, Урия, ты намерен дурака корчить? Что кричали? – начал сердиться Баная.

- Не помню я. За мной худого нет!

- Эй, тюремщик! – позвал Баная, - тащи-ка сюда свои игрушки, да помоги Урии вспомнить, если бедняга страдает забывчивостью.

Тюремщик послушно приблизился к арестованному со снастями в руках. Урия побледнел и посерьезнел.

- Говорить толком будешь? Последнюю возможность тебе даю отделаться испугом! – предупредил Баная.

- Буду, буду говорить! В тот вечер мы с друзьями выпили изрядно много вина. Шли мимо дома Менахема, а тут двое из нас, здоровяки высоченные, которых мы и не знали почти, говорят, мол, гость там, потребуем-ка, чтоб хозяин выдал нам человека, и мы познаем его. И стали проклятые мужеложцы орать во всю глотку. Тут показался в дверях молодой красавец, и стал с этими двумя шептаться, краем уха слышал я – серебро упоминали. Силачи бросились с кулаками на меня и товарищей моих и прогнали нас. А больше я ничего не знаю.

- Говори имена этих двоих! – потребовал Бнаяу.

- Они мне чужие, но разобрал я, как они друг друга называли Арель и Дарель. Они городские, но где обитают – никто не знает. А меня не в чем винить!

- Стражники! – крикнул Бнаяу, - уведите субчика, которого не в чем винить! В темницу ему принесите кувшин с водой, а еды никакой сутки не давайте – чтоб прояснилось в голове, может еще что-нибудь вспомнит. И учти, Урия, как разберемся с Арелем и Дарелем, первым делом примем запрет – не шуметь после захода солнца. И будет сей закон в земле Израиля верен на века!

Довольные успешным днем, старейшины спустились вниз и уселись у ворот. Утомленный Бнаяу взял в руки четки, купленные у золотых дел мастера Матана, и стал яростно перебирать звенья, отгоняя сон.

- С утра сделаем облаву на Ареля и Дареля, - заметил более бодрый Баная, - призовем к ответу подлецов! Как думаешь, Бнаяу, кто этот красивый юноша, что говорил с насильниками?

- Должно быть, слуга левита. Подкупал негодяев. Понял, значит: беды не избежать, и кинулся к самым наглым да здоровенным – пусть других прогонят. Смекнул, небось, что от двоих насильников горя меньше, чем от толпы!

- Согласен, Бнаяу! А Урия зол и завидует – думает, те двое изгнали их, чтоб не делиться ничем. Замыслили и вождеделение насытить и денежки получить. Назвал имена и отомстил обидчикам!

Не смогли довести до конца мирную беседу Бнаяу и Баная. Двое пожилых людей, мужчина и женщина, со всею быстротою, на какую способны были их слабые ноги, подбежали к старейшинам и в мольбе упали на колени.

- Драгоценный Бнаяу, бесценный Баная, - заголосили старики, - пропала наша красавица-дочь, девица непорочная, отрада старости и свет очей родительских! Найдите ее, вся надежда на вас только!

Старейшины насторожились. Вперед долг и служба, а отдых – потом. Призвали судейского юношу, памятью необычайной одаренного, и при нем подробно выспросили у несчастных отца с матерью все приметы дочери, до самых мельчайших. А челобитчикам сказали, мол, обязательство берем, но не даем ручательства.

8

Мири-Милка сидела за рукоделием и размышляла. После визита к Менахему она не теряла времени даром. В Гиве она занала чуть ли не каждого, и почти все ее любили. Ярив хоть и не местный житель, а кое-кто слышал о слуге. Она узнала у людей, что он взаправду гол как сокол.

“Как совместить сей факт с обещанием Менахему богатого могоара? – спрашивала себя Мири-Милка, - жених мошенничает? Навряд ли! Хитрого крестьянина не проведешь, да и невеста не из простушек, такую не умыкнуть. А почему преступники, сперва горевшие желанием познать левита, отступились и удовольствовались наложницей? И даже не посягнули на молодого красавца и на девственницу? О совести говорить тут не приходится. Только корысть умерит вождеделение распутства. Откуда же потечет серебряный ручеек в карманы негодяев? Ясное дело – из мощны слуги, недаром он с ними переговоры вел. А босяку где взять денег? Эти загадки я должна решить!”

Удалось Мири-Милке выяснить некоторые обстоятельства бурного супружества левита и его наложницы. Осведомленные женские источники донесли, что Цадок поначалу и впрямь любил Дину, но мужская любовь, как известно Мири-Милке, есть тростник слабый, ветром колеблемый. Цадок польстился на другую – Мерав моложе и свежее. Дина, якобы, обиду не стерпела и за измену отплатила той же монетой. Цадок в гневе вернул неверную отцу ее, а сам радовался в душе и зажил с Мерав.

Хоть и велико было доверие Мири-Милки к женским рассказам о сердечных делах, но, как учил опыт, проверка не вредит. “Если есть в этом правда, - рассуждала она, - то почему обретший новую подружку Цадок вдруг решает вернуть изменщицу? Чую: не любовь тут, а сребролюбие. Сейчас необходимо говорить с отцом Дины.”

Раздался стук в дверь. Вошел Бнаяу. “Коли городской сановник самолично пожаловал, значит не терпится поделиться успехом!” – подумала Мири-Милка.

- Мир тебе, драгоценная моя свояченица!

- Мир и тебе, дорогой зятюшка!

- Есть новости, Мири-Милка. Хорошие и не очень. Каков твоего сердца настрой, что желаешь вперед узнать?

- Вольному воля, спасенному рай! Своего сердца стук слушай и Бога не сердь. А моя значимость малая, да дела суетны.

- Хитра ты, свояченица, и о себе много понимаешь. По заслугам, однако. Теперь слушай. Поймали мы некоего Урию из банды. Сам-то он, похоже, не причастен. Назвал нам имена насильников – Арель и Дарель. Они прячутся где-то. Ищем их. Выход из города запретили.

- Молодец, Бнаяу! Это, я полагаю, была хорошая новость. Теперь выкладывай плохую. Я старая, меня ничем не потрясешь.

- Юная девица исчезла из дома. Старики-родители плачут. Хватились ее в ночь несчастья, с Диной случившегося. Вот совпадение злополучное! Бывает, неделя, а то и полторы, мирно пройдут в Гиве, и вдруг враз две беды!

- Не знаю, Бнаяу, совпадение ли это! Приметы пропавшей выпросил у стариков?

- Не сомневался, Мири-Милка, что этот вопрос ты сразу и задашь! Эй, парень, заходи, - крикнул старейшина оставшемуся снаружи скромному судейскому юноше, - опиши-ка госпоже, как выглядела девушка.

Бнаяу перевел Мири-Милке невнятное бормотание в связную речь. Она слушала внимательно, потом повторила слово в слово. “Великолепная память у старушки. Пожалуй, она могла бы заменить помощника моего, - подумал Бнаяу, - впрочем, тот одарен достоинством косноязычия!”

Бнаяу предоставил в распоряжение Мири-Милки колесницу самого мягкого хода, в которую были запряжены две быстрых, но спокойного нрава лошади. Возничий помог ей уложить немудреный багаж и провизию, и важная посланница направилась в Бейт-Лехем к Эйнаву, отцу Дины.

Мири-Милка знавала Эйнава прежде, а он был наслышал о ее уме и весьма почитал мудрую женщину. Эйнава успели уж уведомить о свалившемся на него несчастье. Когда Мири-Милка вошла в дом, он в нетерпении бросился навстречу.

- Что с моей девочкой? Она жива? Люди болтают, мол, Цадок сам отдал ее на позор, а потом разрезал тело на куски... Возможно ли? Цадок не сделает такого! Не верю злым языкам! Не молчи, Мири-Милка, говори!

- Не знаю, жива ли она. Никому точно не известно. Дело пока туманно, но очень скоро прояснится. Старейшины наши расследуют, и я им в помощь. Однако, Эйнав, будь готов к любому концу.

- За что мне горе такое? Чем заслужила Дина судьбу ужасную? Как мало добра видела моя крошка! Какая страшная участь!

- Будем надеяться на лучшее. Все может быть, даже то, чего быть не может! А пока мужайся, Эйнав и уповай на милость Всевышнего. Я пришла расспросить тебя кое о чем. Любое твое слово поможет если не злосчастье остановить, то справедливость вернуть. Расскажи мне, как ладили Дина с Цадоком.

- Много ли я знаю? Нынешняя молодежь, Мири-Милка, с родителями не шибко откровенна. Старшие все больше слухами питаются, а в харчах этих отравы немало. Брак их по первости счастливым казался. Потом, болтали, Цадок нашел другую зазнобу, а Дина в отместку отплатила ему тем же. Врут! Моя дочка на измену не горазда! А он, якобы, воспользовался случаем, чтобы вернуть ее обратно мне. Как плакала бедняжка! Но с отцом поговорить не таясь – этого нет!

- Слухи и мне известны, Эйнав. Я не спешу верить в них, но и не отвергаю с порога – никого не минует соблазн греха. Если верно, что говорят люди, почему тогда Цадок решил забрать Дину обратно?

- Он сказал мне, что понял свою ошибку, любит Дину и не может жить без нее.

- Поверил ты ему? А, не было ли у него интереса какого-нибудь?

- Может, и был...

- Рассказывай, Эйнав. Все между нами останется, а делу пособит.

- Получил я наследство, Мири-Милка. Весьма изрядное. Со дня на день жду, придут мешки с серебром.

- Кто, кроме тебя, знал о наследстве?

- Цадок. Я намекал ему.

- Зачем?

- Доля ему перепадет...

- Он дочь твою изгнал, а ты ему денег посулил?

- Видишь ли, Мири-Милка, как говорится, и старая кобыла до соли лакома... Не прими на свой счет... Узнавши про наследство, задумал я жениться. Ну, и сама понимаешь...

- Конечно, понимаю! Новую жену введешь в дом – Дина лишней станет! Завлек зятя деньгами!

- Экая прямизна рассуждений! Цадок ведь сказал, что ошибся, что любит... Почему не верить в хорошее?

- Велик соблазн добра чаять. Приехал он к тебе один?

- С ним слуга был, Ярив по имени. Я потчевал гостей всем лучшим, что дома было. Дина помогала. Но грустила девочка... Может, дурное предчувствие одолевало, или сон нехороший видела...

- Годы научили меня не брать в расчет предчувствия, я причин доискиваюсь, и не в снах, а в людях. Долго ли ты хлебосольствовал, Эйнав?

- Ум у тебя, Мири-Милка, пронзительный, и хитрить с тобой бесполезно. Я несколько дней удерживал гостей, все серебра ждал, хотел отдать долю Цадоку, отправить с ним Дину и покончить с делом! Вижу, однако, Цадок скукой мается. Зачем зятю досаждать? Чтоб ублажить его, я сказал, мол, причитается тебе от наследства четвертая часть и назвал величину ее. Хотел обрадовать и добавить терпения. Он сначала задумался, потом просиял и сказал, что дела важные его зовут, и он приедет и возьмет денежки в другой раз. А поскольку дороги нынче опасные, прихватит с собой Ярива. Я проводил их в путь. Поцеловал Дину на прощанье, и на сердце тревожно было. А ты говоришь, Мири-Милка, что предчувствиям верить нечего...

- Благодарю, тебя, Эйнав. Твой рассказ поможет рассеять тьму злых умыслов. Мужайся. Я сострадаю тебе. Мир дому твоему, и надейся на Бога.

С этими словами Мири-Милка покинула несчастного отца. Уселась в колесницу и по дороге домой размышляла.

“Жаль Эйнава. Однако, каков чадолоб! По дочери плачет, а ведь придумал, как ее из дома отослать, и денег не пожалел! Отцы в большинстве скорее о себе пекутся, чем о детях, а если и любят отпрысков – то неумело. Не верил Эйнав зятю, а все ж спровадил с ним родное дитя, лишь бы с глаз долой. Потому и был с Цадоком ласков, гостеприимен – опасался, что тот передумает Дину забирать. На погибель бедняжку обрек. Жениться захотел! Саврас-то старый, а к сладкому тянется – так что ли он сказал? Знает свою вину – уже хорошо!”

“Туман становится прозрачней. Цадок как узнал, что Эйнав получает наследство и с ним готов поделиться, смекнул, в чем замысел тестя: забирай Дину и получишь деньги! Решил про себя, мол, главное – серебро в свою казну сложить, а как снова от наложницы избавиться – нехитрое дело придумать.”

“Когда же услышал Цадок, что Эйнав ему назначил четверть, и сколько она весит в серебре, разгорелась в нем алчность, и он возжелал вместо части – целое. Теперь понятно, отчего хитрец заторопился уезжать. Смекнул, если при нем привезут желанные мешки, то на глазах у свидетелей ему всем богатством не завладеть. Лучше приехать в другое время. Запугает тестя и отберет все деньги. А если тот заупрямится, то придется силу применить, а то и убить скупца! Вот зачем левиту потребуется молодой и сильный слуга – в подмогу! Жаль, конечно, но придется помощнику чуток отделить!”

“Цадок принужден был сообщить свой план Яриву, а тот, конечно, не мог не слышать, сколько левиту обещано. Наверняка слуга задумал убить хозяина и присвоить себе сокровище сразу после ограбления Эйнава. Вот откуда Ярив возьмет серебро на могар и на подкуп насильников! Деньгами он откупил от беды себя, Нааму и Цадока!”

“Верны ли догадки мои? Возможно. Когда распутываешь грязное дело, обычно выходит, что испачканы все причастные.”

“Что наши старейшины? Схватили Ареля и Дареля? Еще доказать надо их вину. Беспокоит меня исчезновение девицы. Уж не звено ли это в той же цепи? Стара я, скромны мои силы, а ехать на Эфраимову гору неизбежно, иначе до истины не добаться.”

10

Ранним утром следующего дня неутомимая Мири-Милка отправилась на Эфраимову гору на знакомой ей мягкого хода колеснице, правил которой вчерашний кучер, погоняя все тех же расторопных и смирных лошадок.

Вот и жилище левита. Он не удивился визиту Мири-Милки. Доводилось им прежде встречаться – шапочное знакомство. Ни слова не говоря, Цадок провел гостью в горницу, усадил на лавку, принес кувшин с водой и кружку. Сам сел напротив, поник головой, горько вздохнул, утер рукавом набежавшую слезу, первым нарушил траурное молчание.

- Какое горе! Нет больше возлюбленной моей! Господь дал Дину в подмогу мне, она была словно плоть и кость моя! Бок о бок с нею думал пройти свой путь земной. Разрушили наше счастье злодеи гнусные...

- Сердце мое истекает кровью слушать горький плач твой, Цадок. Когда Дина умерла?

- Утром я открыл дверь дома и увидел ее бездыханную, лежащую на пороге...

- Менахем сказал, что слышал и видел, как ты вступил с ней в разговор.

- Ах, если бы! Не стоит доверять изношенным чувствам старика. Обман ушей и глаз.

- Пожалуй, есть тут обман. Отчего, Цадок, ты самочинно вывел Дину на поругание?

- О, Мири-Милка! – воскликнул Цадок, и новые слезы выступили из очей его, - я угрызаюсь, боюсь, сомнение в правоте сего поступка тяжким проклятием проследует со мною до могилы. Я жаждал убавить от преступлений народа моего. Негодяи замыслили мужеложство, худшее из зол, Богом караемых... А женской чести поругание – грех искупимый... Но я потерял Дину, звезду мою путеводную...

- Муки сомнений невыносимы, когда искренни. Тело мертвой Дины ты привез домой вечером, а расчленил его на части следующей ночью, не так ли?

- Доставив мертвую под свой кров, я не мог сопротивляться гнету скорби. Сутки я утолял горе вином. В следующую ночь я сделал то, что тебе известно.

- Зачем ты сотворил это, Цадок?

- Душа Дины отлетела, но плоть ее призвана послужить святой цели – справедливому суровому суду, дабы навек искоренилось зло из сердца народа иудейского.

- Ты возвышен и благороден, Цадок! Кто помогал тебе развозить части тела?

- Соседкий мальчик-рассыльный.

- А не покажешь ли ты мне, где проживает известная тебе Мерав?

- Вон там ее дом! Однако, мудрая Мири-Милка, чем может помочь Мерав? Люди, небось, наговорили тебе всяких небылиц!

- Она нужна мне для полноты расследования, мудрый Цадок. Прощай.

“Жалкий лицемер и жестокий себялюбец! – рассуждала Мири-Милка, покинув Цадока, - не справедливости ради он над телом надругался, а хотел от себя суд отвести!”

Далее путь Мири-Милки лежал к Яриву, жившему неподалеку от Цадока. Она поняла, что в части вранья слуга был неплохим учеником хозяина, хотя и не овладел наукой в совершенстве. Он простодушно признал, что Цадок возьмет его с собой в следующую поездку к Эйनावу. На вопрос Мири-Милки, почему они именно Гиву избрали местом ночлега, Ярив ответил, что он-то предлагал остановиться в Иевусе, но богобоязненный Цадок отверг мысль о привале в языческом городе.

Мири-Милка с кучером уселись на траве в тени колесницы. Она достала припасенную нехитрую провизию, и проголодавшиеся путники закусили сухарями и апельсинами. Солнце и еда разморили возницу и он задремал. Мири-Милка обдумывала ход дел. Ей не давало покоя исчезновение девушки. “Когда известны приметы – легче найти, - думала Мири-Милка, - здесь, на Эфраимовой горе, я без толку говорила с двумя лжецами. Что скажет мне мальчик-рассыльный? Да и пришло время встретиться с Мерав!”

11

В доме Бнаяу начинался совет. Лица собравшихся вокруг стола – а это сам Бнаяу, Баная, Мири-Милка и Анат – выдавали возбуждение и желание говорить и слушать. В дальнем углу понуро стояли двое закованных в цепи молодых мужчин. Рядом с ними – городские охранники.

- С помощью наших людей мы разыскали и арестовали насильников! – торжественно заявил Бнаяу и многозначительно поглядел на женщин, - вон они, подлецы, Арель и Дарель, под надежной охраной! Урия опознал их, да они и не запирались. Они не отрицают, что надругались над женщиной, но отвергают обвинение в убийстве. Мои тюремщики помогут им признаться до конца.

- Не торопись, Бнаяу, применять пытки к этим негодьям! – воскликнула взволнованным голосом Мири-Милка, - они не убивали! Дина жива!

Да, порой довольно двух слов, чтоб вознести людей на вершину ликования! Не сдерживая чувств, старейшины вскричали “Какое счастье!” и, не таясь, достали платки и утерли глаза. Анат захлопала в ладоши и передумала покидать собрание. Мрачные физиономии Ареля и Дареля прояснились: им больше не грозят пытки, а пребывание в цепях не требуется в наказание за умеренный грех, который они искупят честным трудом на полях старейшин.

- Что случилось с бедняжкой? Где она? – вскричала Анат.

- Дина жива. Она в Гиве, в надежном месте. Она слаба, ее лечат, и есть основательная надежда на исцеление! – воскликнула Мири-Милка.

- Однако, как такое чудо возможно? Ведь мы знаем, что Цадок... – спохватился Бная, но не успел закончить фразу.

- Рассказывай по порядку и подробно! Мы слушаем тебя, Мири-Милка! – перебил напарника Баная.

- Итак, на Эфраимовой горе я повстречалась с Цадоком и Яривом, - начала Мири-Милка, - и лживые речи обоих укрепили мои подозрения в их намерении присвоить наследство Эйнава. А юный красавец-слуга задумал ограбить и убить своего хозяина. Теперь мы этого не допустим!

- Переходи к истории с Диной! – проявил нетерпение Баная.

- Ты, кажется хотел узнать дело подробно и по порядку, не так ли, Баная? Далее я подумала о пропавшей девице. В одно время и в одном городе случились два прискорбных и родственных события. Случайное ли это совпадение? Мой опыт повелевал искать связующую нить. Я притянула к ответу мальчика, который помогал Цадоку рассылать части женского тела. Я потребовала, чтобы он в точности назвал мне все приметы. И вот диво: родимое пятнышко на левой руке и старый шрамик в форме змейки на правой ноге совпали с описанными судьейским юношей!

- Что все это значит? – взволнованно спросила Анат.

- Это значит, сестрица, что Цадок разрезал тело не Дины, а исчезнувшей девушки, и, будучи сильно пьян, не заметил этого! Выходит, кто-то произвел замену! Кто? Зачем? И где же Дина? Я подумала, что только откровения Мерав смогут осветить погруженные во мрак перипетии.

- Выражайся янее, мудрая Мири-Милка! - пробурчал Бная.

- Я постараюсь. Мерав живет неподалеку от Цадока. Я явилась к ней и спросила без обиняков, где она находилась в ночь преступления. Она сидела напротив меня. Ноги ее были пожаты под лавкой. Она ответила, отвернув лицо, что пребывала здесь, в этом доме. Я продолжала допытываться – кто может это подтвердить. Молчание. Я повторила вопрос. Бедняжка признала, что ее никто не видел. Тогда я перешла в наступление: “Ты обманываешь меня, Мерав! Помни, тебя знают, как возлюбленную Цадока. Значит, ты вполне могла желать смерти соперницы. Если ты не начнешь говорить правду, тебя обвинят в убийстве Дины!”

- Мне страшно, Мири-Милка! – невольно воскликнула Анат.

- Не мешай! – пристрожил жену Бная.

- Я продолжаю. Мерав горько расплакалась. “Я боялась признаться, но лучше я все выложу, как было!” – сквозь слезы проговорила она. Вся фигура ее расслабилась, и она высвободила ноги из под скамейки. Она рассказала, что гостила в Гиве у своих двух братьев. Весть о преступлении повергла ее в жуткий страх. К тому времени Мерав разлюбила Цадока. Она заподозрила левита в недобрых намерениях, о коих я и прежде догадывалась. Как то раз в винном угаре он проболтался ей о своем желании ограбить отца Дины. Теперь Мерав боялась за себя и за Дину, к которой не питала никакой вражды и не видела в ней соперницу. Наоборот, ей было жаль Дину, и она хотела спасти ее, если еще не поздно. Чтобы вдохнуть ночной свежести и собраться с мыслями, Мерав вышла на улицу. И тут она увидела лежавшую на земле девушку. Та была мертва.

- Боже мой, что мы скажем бедным старикам! – воскликнул Баная, вполне осознав ужас, ожидающий родителей девицы.

- Увы, придется исполнить печальный долг. А сейчас я доведу до конца рассказ Мерав. План спасения Дины мигом созрел в ее голове. Она попросила братьев помочь ей. Втроем они отвезли погибшую девушку на Эфраимову гору. Мерав обнаружила то, что и ожидала – Цадок пьянствовал, и едва живая Дина находилась в его доме. На ее место положили бездыханное тело, а больную осторожно перенесли к Мерав.

- Есть тому свидетели? – спросил Бнаяу.

- Я – свидетельница! Я потребовала у Мерав показать мне Дину. Мы вместе вошли в соседнюю комнату. На мягком тюфяке возлежала мученица. Она встретила меня слабой улыбкой, говорить не могла. Я обняла Мерав, и заверила, что теперь ей никто и ничто не угрожает. Я подумала, что только женщина способна на такое великодушие – защищать недавнюю соперницу, пренебрегая опасностью. На прощание Мерав сообщила мне, что она вместе с братьями и Диной отправляется в Гиву, где будет ухаживать за страдальцей.

Мири-Милка окончила свою речь. Лица присутствующих выражали удовлетворение. Слушатели покачивали головами, цокали языком, говорили “Ах!”, “Ведь вот как бывает!”, “Конец – всему делу венец!” и еще в том же роде. Анат искренно восторгалась и любовалась сестрой. Бнаяу и Баная поглядывали на свою добровольную помощницу уважительно, хотя, кто знает, к почтению, возможно, примешивалась зависть.

Раздался стук в дверь. Настойчивый, громкий. Не дожидаясь ответа, в комнату ворвалась молодая женщина. Лицо в слезах, волосы растрепались от бега на ветру.

- Что случилось, Мерав? – в испуге вскричала Мири-Милка.

- Дина умерла! – воскликнула Мерав и разразилась громкими рыданиям, - не спасли снадобья...

Мгновенно переменилось настроение людей. Сестры всхлипнули. Вытянулись лица старейшин и охранников. Арель и Дарель вновь помрачнели.

Бнаяу и Баная шепотом совещались – есть ли вина на левите и слуге? Ведь не успели же закон нарушить – наказывают за злодеяния, а не за злонамерения. Да и Мерав не вполне безупречна. А, главное, выдавать ли своих негодяев на суд всенародный? “Не лишним будет совет знатоков слова Божьего!” – заключили старейшины.

Анат и Мири-Милка унимали Мерав, гладили по волосам, говорили утешительные слова. Постепенно она успокоилась. Глянула невзначай в дальний угол комнаты.

- О, я узнаю этих людей! – воскликнула Мерав, увидев закованных в цепи насильников, - когда я подбежала к лежавшей на земле девушке, рядом за углом раздался шепот: “Тихо, Арель, кто-то идет!” Потом они бросились наутек. Я услышала вновь: “Спасаемся, Дарель, ведь мы убили ее!” Я успела разглядеть их лица!

- Гнусные мерзавцы! - вскричала Мири-Милка, - сколько безвинных душ готово погубить ненасытное их сластолюбие!

Выходя из дома, старейшины дали знак охранникам увести арестованных в темницу. В комнате остались женщины.

- Тетушка Мири-Милка, открой мне, как ты поняла, что поначалу я обманывала тебя? – решила спросить Мерав.

- Голубушка, я вас, молоденьких, насквозь вижу ! Ты когда пыталась лгать мне, во-первых, сидела вся съежившись, а во-вторых, ноги были поджаты под лавкой. Два верных признака вранья! А как запела другую песню, тело расслабилось, и ноги ты вперед вытянула – значит, полегчало у тебя на сердце от того, что заговорила правду!

Анат одарила старшую сестру восхищенным взглядом.

Расследование третье

1

Бнаяу, один из двух старейшин Гивы, сидел у здания двухэтажных городских ворот и перебирал пальцами четки, которые недавно купил занедорого у золотых дел мастера Матана. “Какая славная вещица! - не торопясь размышлял Бнаяу, - замечательно бодрит, гонит прочь дремоту старческую. Пройдусь по звеньям разок-другой – и сна ни в одном глазу!”

Город Гива – место беспокойное, однако, уж две недели, как не приключалось никаких неудобных Богу происшествий, и поэтому дух старейшины пребывал в безмятежности. Он взглянул на столб и на ступени часов – тень коротка, стало быть, вот-вот полдень, время обеда. В ворота въехал на колеснице Баная, второй старейшина. Бнаяу взглянул в лицо напарника и встревожился. Чем тот озабочен, и какую новость привез?

- Беда стряслась, Бнаяу! – воскликнул дрожащим голосом Баная, - я полагаю, знающий, каких несчастий можно ожидать, уж этим знанием долею счастлив. Нам с тобой, лучшим людям города, дарована привилегия первыми извещаться о худших новостях. Боюсь, на сей раз мы проворонили законный дар, и другие раньше нас проведали.

- Не томи, говори коротко, без неуместных длинноречий. Впрочем, лучше пойдем-ка у меня дома посоветуемся, здесь у ворот много лишних ушей.

Старейшины направились к Бнаяу. Вошли в переднюю горницу. Полно детей, шум, гам. “Анат! – обратился Бнаяу к жене своей, - будь добра, покинь помещение и внуков за собой уведи, Бога ради! У нас с Банаей разговор важный.” Сравнительно быстро удалив ребятню, Анат охотно оставила мужчин одних.

- Исправно ли ты спал последние несколько ночей, дорогой Бнаяу? – спросил Баная, с ехидным прищуром глядя на соратника по службе.

- Слава Всевышнему. Переходи к делу!

- И у меня сон был на славу. Проспали мы с тобой, дружище, события весьма серьезные, без которых Гива вполне могла бы обойтись. Левит Цадок с наложницей Диной и со слугой Яривом направлялись из Бейт-Лехема к себе домой на Эфраимову гору и по пути заночевали в нашем городе у крестьянина Менахема, человека гостеприимного, - произнес Баная и сделал паузу.

- Пока все пристойно и благолепно.

- Да только вышло недостойно и вертепно! Некие негодяи, коими не бедна Гива, окружили дом Менахема, стучали в двери, кричали и требовали у хозяина выдать им левита, чтобы познать его. А тот вывел им свою наложницу, и подлецы насильовали ее чуть не целую ночь. Ранним утром Цадок забрал Дину, не знаем, живую или мертвую, и увез к себе на Эфраимову гору.

- Да-а-а... Беда... И без того за Гивой и коленом Бенъяминовым слава недобрая идет, а тут такое... Боюсь, прознают об этом во всех племенах Израильских, - запричитал Бнаяу.

- Эх, поздно мы хватились дурной молвы стеречься! А несчастье одиночеству враг – не знаешь разве? Худшее случилось через ночь. Цадок расчленил тело Дины и части его разослал главам колен Израильских. Теперь вожди народа требуют выдать злодеев на общий суд, а не то, грозят, мечом и огнем научат нас законы Божьи блюсти!

- Умно ли всему иудейству принимать на себя одного города вину? А наша воля не правосудна стала? Как избежать братоубийства и лица не уронить?

- Я теми же вопросами задался сегодня утром, услыхав запоздалый доклад. Щадя твой сон, Бнаяу, я решился действовать в одиночку, надеясь на одобрение дудящего со мной в одну дуду уж много лет. Я подумал, коли нам доверяют мало, стало быть, надо звать дознавателя со стороны. Пусть сперва разберет дело, а там – велик Всевышний! Я побывал в Иевусе, где вершит расследования многоумный Атар-Имри. Его повсюду знают и почитают, и доверие слову его непреложно. Вот-вот он пожалует.

- Толково придумал, Бнаяу. Встретим наезжего доку достойно. А что нам остается, коли нет царя над народом? А всякий царек глядит и судит со своего бугорка!

2

Атар-Имри – человек положительный. Ему на вид лет этак сорок пять. Он женат и почти счастлив в супружестве. Почему “почти”? Да потому, что богам не угодно было одарить чету отпрысками. Почему “богам”, а не Богу? Очень просто: Атар-Имри – язычник, как и все жители Иевуса, и поклоняется многим божествам. Впрочем, сей изъян не убавляет и тютельки от сыского мастерства его.

Говорят, Атар-Имри происхождения простого. Наверное, поэтому он не заносчив и не спесив. Порой бывает вспыльчив, а то и груб. Подозреваемый, который врет ему, – рискует получить изрядную затрещину от человека сильного с тяжелой рукой. Он честен, нелицеприятен и к слабому милосерден. Острый ум и тонкое чутье на доброе и злое принесли широкую известность дознавателю из Иевуса.

Выслушав внимательно обоих старейшин, Атар-Имри потребовал себе колесницу для разъездов и заручился обещанием получать в подкрепление вооруженных воинов всякий раз, когда продиктуют обстоятельства. Крепким рукопожатием был скреплен договор одного язычника и двух иудеев.

- Он отлично изъясняется по-нашему, - сказал Бнаяу, когда Атар-Имри отправился осматривать колесницу и знакомиться с кучером.

- Он понимает и сочувствует, - поддержал Бнаяу, многозначительно подняв вверх указательный палец, - удивительно весьма, как умен и благороден может быть человек, ни разу не слыхавший речей мудрецов наших!

- Отец, я в глазок глянула – за дверью чужак какой-то. Стучит настойчиво. Станный. Я боюсь открывать!

- Обожди, дочка, я сам впущу его.

Хозяин отворил дверь. Перед ним стоял незнакомец, глядел доброжелательно.

- Я – Атар-Имри, - представился вошедший, - я гланный дознаватель города Иевуса. Старейшины Гивы поручили мне расследовать преступление, о котором ты несомненно знаешь.

- Я – Менахем, крестьянин местный, а это – дочь моя, Наама.

- Слышал уже. Неспроста я к тебе явился, сам знаешь почему.

- Проходи в горницу, занимай место у стола, Атар-Имри, - с привычным гостеприимством пригласил Менахем, - что желаешь пить – молоко козье или вино белое?

- Кружку вина, пожалуй. Какой запах аппетитный струит очаг твой! – заметил гость, усаживаясь на лавку.

- Дочка пряники испекла. Как раз поспели! Уважишь?

- Не откажусь, Менахем, спасибо. Вижу: не зря твое хлебосольство по городу вашему славится!

- Неси-ка, Наама, вино да горяченьких пряников гостю! Ешь, угощайся, Атар-Имри, не робей, пряники медом смазывай!

- Благодарю. Перейдем к делу, Менахем. Рассказывай, каких гостей в дом привел, и что потом случилось. Говори правду и без утайки.

- Я возвращался с поля вечером. Темнело. Вижу, стоят на площади двое мужчин и женщина, не городские, им переночевать нужно. Расспросил их – кто такие, откуда идут и куда направляются. Взял путников к себе на ночлег.

- Как они назвались и что рассказали о себе?

- Левит Цадок с наложницей Диной и со слугой Яривом возвращались из Бейт-Лехема к себе домой на Эфраимову гору, - начал Менахем, - слуга, умный юноша, предложил завернуть в Иевус – там безопасно, потому как злоумышленникам не разгуляться, коли охранной службой управляет человек искусный!

Атар-Имри не был падок на лесть, но не имел ничего против лестных намеков. Он сдобрил очередной пряник хорошим количеством желтого ароматного яства, отхлебнул из кружки и спросил: “Отчего же эта троица предпочла Гиву?”

- Дело в том, что Цадок, как человек богобоязненный, не захотел входить в языческий город, предпочтя телесную опасность уступке духу – решение народом нашим уважаемое. Не сочти за обиду, дорогой Атар-Имри...

- Не сочту. Продолжай, Менахем.

- Мы поужинали и мирно беседовали при свете масляной лампы. Наама о чем-то шепталась с Яривом возле очага. Вдруг раздались с улицы крики. Недостойнейшие из горожан потребовали от меня выдать им моего гостя – они хотели познать его. Храбрый, доблестный Ярив успокоил нас. Он сказал мне, мол, взамен Цадока предложи горлопанам наложницу левита и дочь свою. Возникнет раздор меж негодяями, и тогда я выйду и разгоню их. Я поступил по его словам, но злодеи не послушали меня и освистали.

- А если бы послушали тебя? Ведь двух невинных женщин, одна из них дочь твоя, ты предлагал преступникам на растерзание!

- За Нааму я не страшился – она уроженка Гивы и никто не посмел бы ей вред причинить. А Дина... Она ведь не девица... Нет преступления хуже, чем честь мужскую поругать! А, главное, Ярив взялся защищать нас!

- Да, верно! Нельзя упускать из виду столь важную подробность. И что же случилось потом?

- Наама, принеси, дочка, еще вина и пряников, да нас с тобой не забудь. Так вот, потом, шепнув что-то Цадоку и сжавши в гневе кулаки, Ярив выскочил за дверь – не иначе, как воевать с подлецами! Крики не умолкали. Цадок выглянул на улицу и Ярива не увидел. Он подождал еще минуту-другую и сказал: “Зла не избежать, пусть свершится меньшее из двух!” И с этими словами он вывел Дину. Мы услышали шум драки. Вскоре остались голоса двоих.

- Левиту этому известна мера зла, - заметил Атар-Имри, - весьма полезное знание...

- Я продолжаю. Утром Цадок отворил дверь, и мы увидели распростертую на пороге обессиленную Дину. Мерзавцы надругались над женщиной. Цадок спросил Дину о чем-то, я не слышал ее ответа. Он увез ее домой.

- А что Ярив?

- О нем наша главная печаль! – воскликнул Менахем, а Наама заплакала, - он пропал, боимся, не случилось ли несчастье, не погиб ли юноша в неравном бою?

- Отчего дочь твоя в слезах?

- Да ведь Ярив жених ей! Пока мы с Цадоком и Диной толковали о безделицах, молодые, сидя у огня, не теряли даром время – сговорились о женитьбе. Полюбили друг друга. В добрый путь! Но где же суженый? Всевышний, храни его и нас от беды!

- Будем уповать на милость богов. Благодарю вас, славные отец и дочь. И за угощение спасибо вам! – сказал на прощание Атар-Имри и покинул радушный дом.

4

“Пришло время ехать на Эфраимову гору, - подумал Атар-Имри, - наперед знаю, там ожидают меня интересные беседы.” Он растолкал дремавшего возницу. “Ну, дружище, ты готов отправиться в путь?” Кучер приданной Атару-Имри колесницы страшно обрадовался – конец скуке ожидания! “Конечно, мой господин!” – прозвучал бодрый ответ.

Атар-Имри почел за благо сперва потолковать с соседями Цадока. “Если они благонамеренны, - рассуждал он, - то я узнаю от них многое о левите и о причастных к нему. Никогда не лишне вперед подковаться перед встречей с героями преступлений!”

- Приветствую тебя, почтенный дознаватель! – раздался молодой голос за спиной Атар-Имри, - мы в поселении догадались, что приедешь к нам. Меня зовут Офир, а твое имя всем уж известно! Я сосед левита Цадока.
- Приветствую и я тебя, Офир, - воскликнул Атар-Имри, обрадованный столь кстати случившейся встрече, - я думаю, нам следует познакомиться поближе!
- Несомненно!
- Мир дому сему, и обитателям его – мир! – воскликнул гость, входя в жилище Офира.
- Дорогая супруга, этот человек по имени Атар-Имри прибыл из Иевуса, чтобы разбраться, кто больше и кто меньше виноват в деле Цадока, - представил Офир своей жене Офире вошедшего гостя.
- Господин устал с дороги? – спросила Офира, - чем желает подкрепиться?
- Благодарю! Я думаю, два-три солидных глотка красного вина прибавят мне сил.
- Кувшин и кружка на столе. Прошу наполнять без церемоний! – жестом показал Офир, приглашая к столу жену и гостя, а сам уселся напротив.
- Что еще объединяет молодых людей, кроме похожих имен?
- Еще? Любовь объединяет нас! Мы – молодожены! – выпалил Офир и обнял Офиру за талию, а Офира зарделась и облокатила голову на плечо Офиру.
- Я тронут и умилен. Примите лучшие мои пожелания.
- Спасибо! – в голос ответили оба.
- Но я пришел говорить с вами не о вашей, а о чужой любви. Уверен, вы догадываетесь о чьей. Для начала я бы хотел услышать, чем дышит Цадок.
- Мы уважаем левита за богобоязненность – он образец преданности вере, а если вдуматься, то следует признать, что он неколебимый однолюб! – убежденно вымолвил Офир.
- Ты раздуваешь его достоинства, Офир! – всплеснула руками Офира, - его богобоязненность сродни испугу, и замечен в измене однолюб!
- Мне нужны подробности, - строго заметил Атар-Имри.
- Есть изъян в натуре Цадока, - признал Офир, - он непомерно склонен к винопитию, и Дина, которую он любил безмерно, не желала мириться с этой слабостью.
- А еще Дина упрекала Цадока за чрезмерное увлечение молитвами. Бедняжка хотела его внимания к себе, а не к Богу! – добавила Офира.
- Короче, не мирясь и упрекая, Дина лишила Цадока своих ласк и уподобилась блуднице в надежде наказать и образумить. Раненый в самое сердце левит отправил наложницу к ее отцу, - продолжил Офир.

- Сердечная рана твоего праведника быстро затянулась и он утешился с другой! – поспешила возразить Офира.

- Не надо упрощать, Офира! Кому под силу долго сносить одиночество?

- Согласна, Офир! Ни вино, ни молитва не заменяли ему лобзаний!

- Кто эта другая женщина? – спросил Атар-Имри.

- Ее имя Мерав. Она живет неподалеку. Она беззаветно полюбила Цадока...

- Как кошка! – вставила Офира.

- Мерав ненавидит Дину, - продолжил Офир, - и, я уверен, рада будет ее смерти. В последнее время Цадок охладил к Мерав. Он скучал по Дине. Он не мог жить без нее. Возможно, и она раскаялась в легкомыслии. Не в силах противиться воле чувств, он решился вернуть ее. Мерав сходила с ума от ревности, но не вызволил из плена сердце любимого...

- Расскажите о семье Мерав, - потребовал Атар-Имри.

- Она живет с двумя братьями и отцом, - сообщил Офир, - весьма имущее семейство. Владеют большим наделом земли. Весной и летом растят овощи и хлеб. Осенью и зимой вялят мясо. Мужчины охотятся на оленей, свежую тушу, выделывают шкуры. Мерав нарезает, солит, вымачивает и сушит оленину на ветру. Потом ловко продает с прибытком.

- В их казне семейной, поди, уж места нет для серебра! – добавила Офира.

- Их трудолюбие – залог богатства и наглядный образец для многих. Учиться у них, а не завидовать! – заметил Офир.

- Благодарю вас, молодожены, - сказал Атар-Имри на прощание, - вы помогли мне. Я еще наведаюсь в ваше поселение.

5

“Менахем с Наамой и Офир с Офирой, похоже, люди без затей, и нет лукавства в их словах, - размышлял Атар-Имри, - но прежде, чем явлюсь к левиту, разузнаю-ка я побольше о нем самом и о наложнице. Надо навестить отца Дины в Бейт-Лехеме.”

Утром, когда Атар-Имри выезжал из городских ворот Гивы, колеснице преградил путь Бнаяу.

- Почтенный гость наш! - воскликнул старейшина, - гонец из Иевуса привез тебе привет от благоверной твоей супруги. Она просила передать, что сильно скучает и хочет знать, когда ты вернешься. С каким сообщением я должен вернуть гонца?”

- Пусть сообщит, что и мне разлука тяжела, но я занят по горло, идохнуть некогда, а когда вернусь – не знаю. Эту монету, будь добр, вручи посыльному!”

- Счастливый муж, - пробормотал Бнаяу всед удаляющейся колеснице, - впрочем, моя Анат тоже отменно радуется мне!

Открыв незапертую дверь, Атар-Имри решительно вступил в дом несчастного отца Дины. Он прошел на середину комнаты и сообщил хозяину свое имя и намерение, с которым явился. В ответ Эйнав назвал себя и указал вошедшему место, где присесть.

- Я пребываю в трауре, иноплеменник, - тихо произнес Эйнав, - в силах ли твоих найти виновных? А если преуспеешь – не будет толку для меня. Ты вернешь мне дочь, ты чудодей?

- Поверь, Эйнав, я скорблю с тобою вместе. Ты прав, я не творю чудес. Пусть я не в силах отцовскому горю помочь, зато, способствуя миссии моей, ты окажешь услугу народу твоему. А иудеи помнят добро, не так ли? Я жду от тебя правдивых ответов на мои вопросы.

- Спрашивай, Атар-Имри... Хочешь пить с дороги? Вон в углу стоит бочка со свежей водой, зачерпни ковшом, утоли жажду. А потчевать тебя – не настроен мой дух.

- И на этом спасибо. Расскажи мне, Эйнав, о зяте твоём и о супружестве Цадока и Дины.

- Цадок обожал Дину, признаю. И она его любила. Но случился разлад меж ними...

- Почему он изгнал ее и вернул тебе?

- Левит сей, попросту говоря, пьяница, а дочь моя ставила ему на вид. Он же не терпел порицаний, хоть и справедливых, и придумал, как благовидно ее спровадить. Потом раскаялся, потому как не мог жить без нее. Я многое ему прощал – ведь он Дину мою любил.

- Что изобрел твой зять?

- Святоша сей и к бессовестному поступку благоприличную причину подведет. Увидел муху в похлебке и упрекнул Дину, мол, невнимательна ты ко мне. Другой раз выловил из миски муху – ногами затопал в гневе притворном. А уж как заметил в каше волос, то немедленно вернул мне дочь!

- По мнению Цадока волос в еде мерзее мухи?

- Не понимаешь ты, язычник! Наши мудрецы растолковали, что муха может залететь в кушанье за мгновение до того, как оно будет подано мужчине, стало быть, женщина не всегда успеет заметить насекомое, и вина ее умеренна, если не повторяется. Другое дело – волос! Тут уж непочтение к хозяину налицо, и за эту провинность муж вправе изгнать жену. Цадок во всем следует ученому слову.

- Поставим ему это в заслугу. Утонченное рассуждение, однако! А теперь припомни, Эйнав, те дни, когда Цадок гостил у тебя, собираясь увезти Дину.

- Прожил он у меня трое суток. С ним был слуга Ярив. Мы с Диной старались, угощали его самым лучшим. Я просил его побыть еще денек-другой. Но он заторопился. Я-то знаю, почему. Он Дину сильно любил, не терпелось ему с ней уединиться. Ну что ж – дело молодое, законное! Всякому отцу приятно знать о счастье чада своего.

- Ты всё мне сказал, Эйнав?

- Вроде, да. Говорят, бедняжка умерла от мук, а потом Цадок разрезал плоть ее на части. Я верю! Безумный этот пустосвят мог своими руками на бесчестие ее отдать и над телом надругаться, чтоб потрафить чудовищу безгрешия...

- Я в твоей вере не силен, но сдаюсь мне, ты молвишь богопротивное. Но я о другом тебе скажу. Ты обманул меня, Эйнав! Ты утаил, что Дина изменяла Цадоку. Не потому ли он изгнал ее? А ты мне толковал про муху, да про волос!

- Не зря говорят, что сыскарей гложет страсть заглядывать в темные углы. Я рассказывал со слов Дины. А слухам я не верю!

- Слухи небеспричинны. Прощай, Эйнав, я сострадаю твоему горю.

6

“Теперь, потолковавши с тем, с другим и с третьим, я представляю характер левита, - рассуждал Атар-Имри, - и я задаю себе вопрос: мог ли богобоязненный Цадок своей рукой убить женщину? Наверяд ли, но для заключения нужны еще сведения. Пора снова ехать на Эфраимову гору и знакомиться с левитом.”

Старейшины попросили Атара-Имри подняться в их апартамент.

- Как подвигается расследование, - спросил Баная, - и что ты думаешь делать дальше, дорогой наш Атар-Имри?

- Я не думаю! – с раздражением ответил Атар-Имри, очень не любивший такого рода вопросы, - и я не знаю, что буду делать дальше! Пока я намереваюсь встретиться с левитом. До свидания.

Атар-Имри вошел в дом Цадока. Перед ним стоял мрачного вида молодой мужчина. Тяжелый взгляд, нечесаная борода, неумытое лицо и небрежная одежда старили левита.

- Проходи, Атар-Имри. Я ждал тебя. Садись. Выпьем для бодрости по кружке вина.

- Я не пью вина, Цадок. Надеюсь, и без твоего любимого напитка нам достанет бодрости обсудить дела.

- Не хочешь – как хочешь, а я себе не откажу, тем паче, что тяжко на душе, - сказал Цадок, осуществляя свое намерение.

- Скажи-ка, Цадок, ты любил Дину?

- Неужто это относится к расследованию? Да, я ее любил и никогда не забуду, - ответил Цадок и провел грязным рукавом по глазам.

- Я думаю, мой следующий вопрос очевиден для тебя без слов?

- Вполне. Я изгнал ее потому, что она мне изменяла.

- А муха и волос?

- Э-э-э... Кто хочет слыть обманутым мужем? Мне нужен был законный предлог. Однако, ты хорошо подготовлен!

- Надеюсь доставить тебе еще не один пример моей осведомленности. Есть мнение, левит, что Дина совершала легкомысленные поступки в отместку за твое пьянство и за то, что ты свой пыл делил несправедливо между ней и молитвами.

- Я думал об этом. Я намеревался исключить вино из своей обыденности. Но любовь к Богу я ставил и буду ставить выше любви к женщине! Точка!

- Почему ты захотел вернуть Дину?

- Я уж говорил! Я ее любил и не в силах был жить без нее. Я простил. Я верил, что она раскаялась.

- А что ты скажешь о Мерав?

- Мерав – бремя на совести моей. Я дал ей ложные надежды. Свою единственную я отослал, а одиночество-то тяжело терпеть...

- Цадок, ты привез Дину из Гивы после захода солнца. Где ты находился ночью?

- Ты подозреваешь меня в убийстве женщины, иевусей?

- Я подозреваю всех, включая тебя. Позволь задавать вопросы мне! И в твоих интересах отвечать на них.

- Много ты смыслишь в моих интересах!

- Я жду ответа. Где ты находился ночью?

- Только я вошел в дом и уложил Дину на лавку, как появились отец и братья Мерав. Они предложили выпить вина. Мы направились в одно известное нам место. Я думал тотчас вернуться к Дине. Каюсь. Я увлекся. Явился домой только на исходе ночи.

- Когда ты увез Дину от Менахема, она была жива?

- Она дышала, но тяжело. Я пытался заговорить с ней, но не получил ответа.

- А домой ты ее доставил живую?

- Да.

- А когда ты, наконец, вернулся после возлияний...

- Она была уже мертва!

- Продолжай!

- Я был изрядно пьян... еще не рассвело... тело остыло... я раздел ее... - с трудом проговорил Цадок и вновь пустил в ход рукав давно нестиранной рубахи, промокнув влагу на воспаленных глазах. Выпил кружку вина.

- Почему ты отдал возлюбленную на растерзание насильникам?

- Негодяи хотели познать меня. Но мужеложство есть худший грех перед лицом Всевышнего. Я отдал им Дину. Я уж говорил тебе, что любовь к Богу для меня выше плотской любви. Я не себя спасал. Не знаю, поверишь ли, услышишь ли вопль сердца моего?

- Зачем, Цадок, ты расчленил тело на части, надругался над ним? Ведь и мертвому честь положена!

- Верно, положена! Весь следующий день я тяжело думал и к ночи решился на поступок. Я принял грех на душу свою ради спасения души народа моего. Я разослал части тела во все колена Израильские, дабы узрели главы племен, как нетерпимо развратились иудеи, коли помышляют о мужеложстве, насилуют и убивают! Да свершится грозный суд, а если надо, пусть будет перебито нечестивое колено Беньяминово – виноватый и правый без разбора!

Ошеломленный Атар-Имри не мигая глядел в горящие глазами собеседника. “Цадок, если бы женщина была еще жива, умертвил бы ее ради высшей цели?” – спросил он.

- Не знаю... Нет, не посмел бы живую душу погубить...

- Не мне, Цадок, святость твою возносить или клеймить. Расскажи-ка про Ярива, слугу твоего.

- Ярив не слуга мне больше! Ярив – подлец! – горячо воскликнул Цадок, - он предал меня! Когда раздались крики негодяев, он шепнул мне, мол, погоди, я, как самый сильный и опытный в уличных боях, выйду первый и начну разгонять свору, потом тебя на помощь кликну, и мы вместе добьем последних. Я не дождался его. Я выглянул и увидел – он прячется за углом, он струсил.

- Трус мечет угрозы, когда уверен в безопасности, трусливый друг страшней врага, - вставил слово Атар-Имри.

- Я понял, зла не избежать, и вывел Дину, - продолжил левит, - меж негодьями возникла ссора. Садомитов прогнали двое дюжих силачей, и им досталась Дина.

Цадок всхлипнул. Снова наполнил кружку. Атар-Имри собрался уходить, но что-то вспомнил. Попросил Цадока показать ему комнату, где лежала Дина. “Вон та дверь!” – указал левит, не вставая из-за стола.

У стены стояла лавка, покрытая пропитанными кровью циновками. В углу на полу валялось серого цвета платье из грубого полотна. От подола его был отрезан кусок. “Какого цвета платье было на Дине?” – крикнул Атар-Имри через открытую дверь. “Не помню. Кажется, красное...” – пробормотал Цадок и уронил голову на грудь.

Атар-Имри аккуратно сложил находку, убрал ее в свой мешок. “Это обретение будет в помощь мне, странно только, что цвет наряда другой, - подумал он, - а теперь настало время повстречаться с Яривом. Похоже, Цадок хоть и бесноватый, но честен!”

7

- Я – Атар-Имри, расследую дело, в котором и тебе выпало быть замешанным. Ты знаешь, Ярив, о чем я говорю! – без предисловий заявил посланец старейшин Гивы, войдя в дом к слуге, - ты должен правдиво отвечать на мои вопросы.

- Разумеется, мой господин, я воспитан моим любимым хозяином Цадоком, он не терпит лжи и меня к этому приучил.

- Надеюсь. Почему, возвращаясь из Бейт-Лехема, левит избрал местом ночлега Гиву, а не Иевус, до которого путь был короче?

- Хозяин мой – святой человек, он не хотел входить в языческий город. Но на сей раз он допустил ошибку, хоть я его остерегал.

- Припоминай, что произошло в доме у Менахема, когда с улицы раздались крики?

- Я – простой парень, всегда брал верх в уличных боях, защищая слабых. Я сказал Цадоку: “Я выйду первый, переломаю кости многим, потом мы вместе укротим последних!” Я перебил почти всех, остались двое самых сильных. Только я хотел кликнуть на подмогу хозяина, как он вывел Дину к этим двоим. Что мне оставалось? Я удалился.

- Лжешь, каналья! – в гневе закричал Атар-Имри, и лицо его побагровело от негодования, - тебя видели – ты прятался за углом и ни с кем не бился! Ты обманул левита. А когда он вывел Дину, то не ты, а два гнусных насильника разогнали мужеложцев! Твоей руки не было ни на одном из негодяев!

Ярив побледнел. Страх сковал его члены. Атар-Имри схватил труса за воротник, безжалостно потряхнул, посадил на лавку, наградил пощечиной.

- Слушай внимательно, - продолжал Атар-Имри, не выпуская трясущегося от страха Ярива из своих огромных ручищ, - еще одно слово лжи – и я опозорю тебя перед всем миром, и не видать тебе Наамы, как своих ушей! Ты крутился поблизости от места лиходейства, все видел и слышал. Назови имена насильников!

- Арель и Дарель...

- Собирайся, поедешь со мной в Гиву, сможешь отыскать этих мерзавцев!

8

- Почтенные Бная и Баная, - торжественно воскликнул Атар-Имри, - мне срочно требуются пять-шесть вооруженных мечами солдат. И приготовьте каземат для скорого пополнения!

- Немного терпения, дорогой наш мастер сыска, и получишь требуемое, - заверил Бная, - как видно, дело подвигается, коли нужна темница. А пока прими вот это.

Атар-Имри взял из рук старейшины холщовый сверток. Развернул, ощупал теплый шарф из овечьей шерсти.

- Ты не спрашиваешь от кого посылка? – для виду удивился Баная, - блажен супруг, вкушающий жены заботу!

- Благодарю за хлопоты, - улыбнулся Атар-Имри, - с попутным человеком передай супруге в Иевус, что скоро я вернусь.

К полудню Атар-Имри доставил к городским воротам связанных Ареля и Дареля, и довольные старейшины препроводили желанное пополнение за решетку.

- Ярива пока не освобождайте, он может пригодиться мне. Я снова еду на Эфраимову гору, - сказал старейшинам Атар-Имри, - надеюсь, в последний раз.

В поселении на Эфраимовой горе Атар-Имри не нашел Мерав. Дом был закрыт, и соседи сказали, что она, должно быть, отправилась на семейный надел заготавливать вяленую оленину. Показали, как проехать.

На опушке леса Атар-Имри увидел легкое строение из досок. Здесь трудились и отдыхали от трудов Мерав с отцом и братьями. Неподолёку стояли вкопанные в землю шесты, державшие перекладину для развешивания и сушки мяса. Где прежде горел костер, кучились потухшие угли. Атар-Имри разворошил их, в глубине они были влажны от прошедших дождей. “Видно, несколько дней не разжигали огонь!” – подумал он.

- Кто тут есть? – громко спросил Атар-Имри.

- Сейчас иду! – раздался голос из досчатого дома, дверь открылась и на пороге показалась молодая женщина.

- Меня зовут Атар-Имри, а ты, я думаю, - Мерав?

- Верно. Расследуешь дело левита?

- Верно. Расследую дело левита и двух его женщин.

- Проходи в дом. Располагайся, я сяду напротив. Согреешься с дороги кружкой славного винца?

- Не откажусь. Скажи-ка мне, Мерав, что связывало тебя с Цадоком?

- Я любила и люблю его.

- Он отвечал тебе взаимностью?

- Сначала – да. Теперь же сердце подсказывает мне, что охладел он, - с горечью проговорила Мерав.

- Мне известно, что он непомерно набожен и вину привержен сверх меры!

- О мере ты говоришь? Любви не нужны весы для “за” и “против”! И Цадок честен!

-Что ты думаешь о Дине?

- Мне безразлична эта изменщица и интриганка!

- Интриганка? Почему?

- Она обманно приворожила моего милого. Он привез обратно дрянную девку, обмороченный колдовством ее.

- Не похоже, что она тебе безразлична. Ты хотела смерти Дины?

- Я хочу Цадока любви!

- Уклончивый ответ. Почему у тебя рука перевязана? - спросил Атар-Имри, заметив знакомую ткань.

- Нарезала мясо, поранилась ножом.

- Давай-ка, Мерав, я сменю тебе повязку, - сказал Атар-Имри и ловко осуществил свое намерение, взяв другую тряпицу.

- Спасибо. Я выйду, разожгу костер, хочу суп сварить.

Пока Мерав хлопотала у костра, Атар-Имри расправил кусок материи, снятый с ее руки, извлек из мешка найденное у левита платье и сложил обе части. Они совпали. Вскоре вернулась Мерав.

- Припомни-ка, Мерав, - сказал Атар-Имри, - где ты находилась в тот вечер, когда Цадок привез Дину из Гивы.

- Нечего и припоминать! Я уж тут в поле почти неделю пребываю. Братья и отец со мной. Каждый день с утра на охоту ходят, приносят туши оленей, разделявают, потом – моя работа.

- Хватит лгать, Мерав! – решительно вскричал Атар-Имри.

- Да я... да разве я... – забормотала испуганная женщина, и побледнела, и поникла головой, и на глазах ее заблестела влага.

- Ты не была безразлична к Дине, как говоришь, ты люто ненавидела ее. Люди не слепы и свидетельствуют. Ни тебя, ни братьев, ни отца твоего не было тут в поле уж несколько дней. Потухший костер вас выдал. В тот вечер и ночью вся семья твоя пребывала в поселении, а не здесь, в поле. Ты сговорила с братьями, отправила их к Цадоку, чтобы они увели его из дома и напоили вином.

По щекам Мерав безудержно текли слезы. Атар-Имри продолжал неумолимо.

- Под покровом темноты ты пробралась в дом Цадока. Опасаясь выдать себя, не зажигала огня. Ты подкралась к несчастной и вонзила в нее нож. В темноте порезалась. Чтобы унять кровь, отхватила лоскут от подола платья убитой и перевязала себе руку. Платье у меня, и к нему в точности подходит твоя повязка. Мерав, ты убила женщину!

Мерав рыдала. Атар-Имри смотрел на нее сурово, но жалость пряталась во взгляде.

- Зачем ты сделала это? Ведь Дина была обречена!

- Я ненавидела... Она украла у меня любовь... Меня не могла утешить ее смерть... Я своей рукой должна была остановить ей сердце...

- Убийство – зло вдвойне, коли ищет выгоду в утешении. Мы едем в Гиву. Я передам тебя на суд старейшин.

Атар-Имри не чувствовал обычного довольства завершением расследования. “Насильники и убийца найдены, - размышлял он, сидя в колеснице, - клубок, как будто бы, распутан, но нить не гладкая, мешают узелки. Не причастен ли кто еще?”

- Мерав, есть у Дины родня?

- Сестра. Зовут ее Хагит. Живет с мужем поблизости от Цадока.

“Не миновать еще одной поездки на Эфраимову гору!” – подумал Атар-Имри.

В просторном апартаменте на втором этаже городских ворот Гивы собрался совет старейшин. На высоких стульях сидели Бнаяу и Баная. Третий такой стул был предоставлен Атару-Имри, но он отказался от предложенной чести и расхаживал взад и вперед с сосредоточенным выражением лица, готовясь к произнесению речи. Вдоль стены стояли Арель, Дарель и Ярив. Первые два были связаны по рукам и ногам. Тут же на лавке сидела и проливала слезы Мерав. Отдельно от нее расположились Цадок, Эйнав и Хагит. У дверей и у окон высились мощные фигуры охранников.

- Почтенные старейшины города Гивы! – торжественно произнес Атар-Имри, - я уверен, вам удалось добиться от Ареля и Дареля частичного признания. Я также надеюсь, что Мерав была с вами не менее откровенна, чем со мной. Итак, порученное мне расследование завершено, и одновременно раскрыто еще одно преступление. С него и начну мой отчет.

На важных лицах Бнаяу и Банай нарисовалось всепоглощающее внимание. Тишина едва нарушалась тихими вслипываниями Мерав.

- Мне донесли, - продолжил Атар-Имри, - что в трагическую ночь насилия над Диной пропала из дому некая юная девица. Вам, Бнаяу и Баная, это было известно, и я сожалею, что не вы меня уведомили об этом.

- Мы не хотели отвлекать твое внимание от главной цели, - раздосадованный упреком бросил Баная.

- Это была горошина из того же стручка, – заметил довольный собой Атар-Имри, - и связь двух преступлений я быстро установил, выжав показание из уст трусливого Ярива. Предательски бросив своего хозяина, он прятался на улицах города, наблюдая за Арелем и Дарелем. Он видел, как после надругательства над Диной, не насытившие свою похоть мерзавцы набросились на девушку, случайно оказавшуюся на улице в неурочный час. Свершив гнусность, они ограбили ее, сорвав с шеи золотую цепочку, потом зажали ей рот и нос, и она умерла от удушья.

- Ярив, ты подтверждаешь это? – грозно спросил Бнаяу, прервав Атар-Имри.

- Подтверждаю, - пролепетал Ярив, с опаской взглянув в сторону связанных Ареля и Дареля.

- Итак, я продолжаю. Мне снова пришлось ехать на Эфраимову гору для разговора с Хагит, сестрой Диной. Почтенные старейшины, познакомьтесь с этой женщиной – я привел ее сюда, и вот она сидит перед вами. В ночь преступления Хагит с мужем гостили в Гиве у его родни. Под утро весть о беде, случившейся с Диной, достигла ушей Хагит. “Кто знает, что придет на ум сумасшедшему Цадоку, и станет ли он лечить Дину?” - подумала она. Не зная, что предпринять, охваченная ужасом Хагит без всякой цели выскочила из дома. И тут увидела лежавшую на земле мертвую девушку. В голове Хагит мгновенно созрел план спасения сестры. Наняв быстроходную колесницу, они с мужем спрятали в ней тело и помчались в свое поселение. Как только Цадок ушел пьянствовать, они вошли в его жилище, перенесли Дину к себе в дом, а на ее место положили тело убитой. На счастье или на несчастье, в эту ночь Мерав проникла в дом Цадока после того, как там побывали Хагит с мужем.

- Кто подтвердит, что была совершена замена? – возвысил голос Бнаяу.

- Это сделаю Я! – ответил Атар-Имри, - как только Хагит закончила свой рассказ, я немедленно потребовал показать мне Дину. Мы зашли в соседнюю комнату. На перине лежала женщина удивительно похожая на Хагит. На умирающей было красное платье. Дина тяжело дышала, глаза ее глядели сквозь туманную пелену. Я застал ее последние минуты. Душа бедняжки отлетела.

Хагит всхлипнула. Баная покосился в ее сторону.

- Можем ли мы быть уверены, что девушка, которую обнаружила Хагит, действительно была мертва, и что они с мужем не довершили гнусное дело Ареля и Дареля? – спросил Баная.

- Показание Ярива снимает подозрение с Хагит, - ответил Атар-Имри.

- Нам с Банаей выпала печальная миссия – уведомить несчастных родителей убитой девушки, - вздохнул Бнаяу.

- Я вынужден был опередить вас, почтенные старейшины, я предъявил отцу с матерью платье и цепочку. Они опознали: вещи принадлежали дочери, и горе стариков неизлечимо.

Атар-Имри окинул взглядом сидящих в комнате. С пафосом заговорил.

- Мерав! Ты не убийца, но не насладиться тебе мстью!

- Хагит! Сестру спасая, ты украла у стариков тело дочери, и некого им хоронить!

- Цадок! К деянию Хагит и ты руку приложил!

- Эйнав! Тебе выпало горькое утешение – плакать над могилой!

Старейшины сидели с мрачными лицами. Расследование закончено, а что делать дальше и чего ждать – неведомо.

- Баная! – воскликнул Бнаяу, вопросительно глядя на Атара-Имри, - отдавать ли наших преступников на суд всенародный, как требуют того главы колен Израилевых?

- Я пребываю в сомнениях, - ответил Баная, взирая в ту же сторону, что и Бнаяу, - а ты что скажешь, Атар-Имри?

- Сомнение – путь к разуму! Я счастлив, что не мне делать выбор! – ответил Атар-Имри, - я миссию свою завершил и прощаюсь.

С этими словами дознаватель из Иевуса обмотал шею шарфом мягкой овечьей шерсти и спустился к ожидавшей его у ворот Гивы колеснице.

На обложке рисунок средневекового художника